Ж47—
491

247—
491

Р. С. Ф. С. Р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВНОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ.

„ВОСПОМИНАНИЯ“ ТИРПИТЦА.

Перевод с немецкого Е. Б.

КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ.

Отдельный оттиск из журнала «Морской Сборник» №№ 6—9 1920 г.

ПЕТРОГРАД.
10-я Государственная Типография, в Главном Адмиралтействе.
1920.

247—491

Р. С. Ф. С. Р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВНОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ.

„ВОСПОМИНАНИЯ“ ТИРПИТЦА.

Перевод с немецкого Е. Б.

КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ.

Отдельный оттиск из журнала «Морской Сборник» №№ 6—9 1920 г.

ПЕТРОГРАД.
10-я Государственная Типография, в Главном Адмиралтействе.
1920.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 28069 1964

„ВОСПОМИНАНИЯ“ ТИРПИТЦА.

Введение переводчика и составителя.

«Воспоминания» Альфреда фон Тирпитц были закончены и напечатаны в Германии в середине 1919 г. и в том же году понадобилось уже второе издание, которое и было напечатано в 1920 г. Мне удалось получить эту книгу на некоторое время, недостаточное для полного ее перевода, и первоначальная моя цель была лишь, ознакомившись с ней, сделать доклад об ее содержании в «Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 г.» в Москве, откуда экземпляр этой книги мне был дан. Однако, при этом поверхностном ознакомлении с книгой, я увидел, что она представляет столь значительный интерес, в особенности для морских кругов, что у меня явилось желание скорейшего ознакомления их хотя бы с сущностью книги, не дожидаясь, когда она будет вся полностью переведена.

Само собой разумеется, что приводя здесь, таким образом, лишь *выдержки* из «Воспоминаний», я должен оговориться, что они не могут, все-таки, дать полного и связного впечатления о всем ее содержании; выдержки составлены на спех и я старался только сохранить общую мысль и выбрать наиболее убедительные места. На это обстоятельство тем более надо обратить внимание, что сам автор «Воспоминаний» рекомендует не судить обо всем целом по отдельно выдернутым из них местам.

Решаясь на опубликование этих выдержек, я руководствовался лишь желанием дать морским читателям как можно скорее идею и наиболее характерные места книги, чтобы их заинтересовать к тому времени, когда книга будет переведена полностью.

Альфред фон Тирпитц, гросс-адмирал германского флота и автор «Воспоминаний», личность очень определенная и крупная. Он был германским морским министром с 1897 г. по март 1916 г. и следовательно стоял во главе морского ве-

домства в период наиболее интересный и деятельный истории. Он уроженец Пруссии, поступил в германский флот еще в то время, когда он был даже не германским, а прусским, и уже сравнительно молодым офицером был привлечен к работе по подготовке к созданию того будущего германского флота, отцом которого он по справедливости может быть назван. Будучи 29 л. от роду (в 1878 г.), он уже был назначен стоять во главе минного дела и с тех пор его карьера шла таким образом: в 1886 г.—во главе созданной им минной инспекции, в 1889—90 г.г. командир судов 1 ранга в Средиземном море, в 1890 г.—начальник штаба начальника станции Балтийского моря, 1892 г.—начальник штаба верховного командования флотом, 1896—предназначен на должность ст. секретаря (морского министра) и назначен начальником отряда судов Дальнего Востока, в 1897 г.—назначен морским ст. секретарем, в марте 1916 г.—вышел в отставку из за несогласия с общей политикой и ведением морской войны, в частности подводной.

Чтобы правильно судить выдержки, нужно иметь в виду, как личность автора «Воспоминаний», так и обстоятельства, вызвавшие их опубликование.

Личность адмирала фон Тирпитц, как она вырисовывается в его книге и по личным моим наблюдениям за период знакомства с ним 1911 по 1914 г.г., такова: типичный пруссак «старого времени», с фундаментом, полученным от старого королевства, наложившим на него несомненную печать, и со всеми достоинствами и недостатками, присущими людям такой формации. Несомненно умный, с громадной энергией, с выдающимися организаторскими способностями и с выдающейся волей. Характер властный и прямой, мало приспособленный к интригам и гибкости, сопровождающими крупную политическую и общественную деятельность. По своим убеждениям—монархист, консерватор, националист и империалист. Одной из отличительных черт можно считать несомненную честность и прямоту убеждений, высказываемых им, не взирая ни на какие обстоятельства и личные выгоды. Особенный интерес книга представляет как материал для исследования столкновения искренне убежденного и честного консерватора, националиста и империалиста с действительностью, наступившей во время хода европейской войны и после ее конца. Интересно, как такой характер, считая, что он нисколько не является типичным продуктом и не представляет собой защитника капиталистически - империалистического

миросозерцания, пытается доказывать, что он, защищая Германию, как она была в то время, борется с англосаксонским капитализмом во имя освобождения от его ига всей Европы. Вместо того, чтобы сделать дальнейший логический шаг и сказать, что дело шло о попытке заменить этот капитализм германским, он упорно доказывает, что целью его и всех одинаково с ним мысливших было только сокрушить англосаксонский капитализм, как будто от замены его германским мир что либо выигрывал. С этой стороны книга представляет большой психологический интерес, ярко показывая через какие стадии мышления и чувств проходит искренний и честный националист-империалист, вместе с тем достаточно умный, чтобы видеть и понимать его недочеты. Даже революция в Германии не заставила его проверить с самого начала свое мировоззрение и он только скорбит о позорной гибели германского флота и «ввержении германского народа» на много-много лет назад. Его видимо пока еще не поразила мысль, что Россия, с ее сравнительно небольшим флотом, вышла из Европейской войны совсем другим путем, так осуждаемыми политическими убеждениями, не потеряв своего достоинства и независимости и сохранив свой слабый флот против могущественной Антанты.

С более специальной, морской точки зрения книга интересна целым рядом вопросов, которые она вызывает у читателя и которые правда могут быть разрешены только, когда будут опубликованы данные с других сторон. Для лиц, интересующихся крупными морскими вопросами, в связи с политикой и общей обстановкой, знакомство с книгой обязательно, как выразительницей взглядов и приводящей факты из высокого источника.

Автор «Воспоминаний», в своем предисловии к ним говорит, что он не собирался их писать так рано и тем более опубликовывать их при своей жизни, но что только судьба германского народа и то положение, в котором он очутился после революции, заставили его это сделать так рано. В этом отношении книга несомненно имеет ясно выраженный полемический характер, так как видимо отвечает на целый рад нападок со стороны политических противников автора, опубликованных после революции. Главные нападки: что он, будучи сторонником сильного флота для Германии и построив его, этим самым втянул Германию в войну с Англией, что материальная часть флота была не на высоте, что у Германии

к началу войны было мало подводных лодок и меньшего размера. Чтобы судить об этой стороне книги надо конечно было бы иметь и остальной полемический материал, которого у нас в России пока еще нет.

Следует еще отметить, что Тирпитц, как сильный и властный характер, никогда не был любим кайзером и последний его в сущности все время лишь «переносил» ценя его незаменимый организаторский талант, а впоследствии — и из за его европейского имени и известности.

Чтобы понять степень влияния «кабинетов» на германское управление, с которым так часто боролся Тирпитц и которым он приписывает такую роль в ходе событий, надо иметь ввиду, что эти кабинеты состояли при кайзере по гражданским, военным и морским делам. В сущности они должны были бы быть только канцеляриями, ведающими назначением личного состава на все мало-мальски ответственные должности, но, благодаря тому, что начальники их съумели занять при кайзере очень приближенное положение и вероятно благодаря тому, что ведая такими назначениями они могли получать себе приверженцев и фаворитов, влияние их сделалось очень большим и непредусмотренным тогдашней германской конституцией. Начальники кабинетов сопровождали кайзера всегда и всюду, присутствовали на всех докладах министров и начальников генеральных штабов своих ведомств и таким образом делались очагами «безответственных влияний» и местом интриг и фаворитизма.

Не имея к несчастью больше времени уделить этому предисловию, которое можно было бы дополнить, могу лишь еще раз обратить внимание читателей на высокий интерес книги *целиком*, заслуживающей серьезного внимания и прочтения, как скоро она будет переведена, и на то, что на настоящие выдержки надо смотреть как на попытку дать лишь первоначальное понятие, оправдываемую лишь желанием поскорее ознакомить их с характером этого вклада в морскую литературу.

Б.

«Воспоминания» Тирпитца

(с немецкого).

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение.

Глава I. В Прусском флоте. 1) Поступление во флот. Пруский флот и прусская политика. 1866 и 1870 годы, тогдашнее и теперешнее ведение войны. 2) Вне-политические течения. Отношение к Англии В Плимуте—больше дома, чем в Киле. Превосходство англичан. «Мы не мореходная нация».

Глава II. Эра Штоша. В Гамбурге в 1871 г. Германские рыбаки под чужим флагом. Заграничная служба. Картагена. 2) «Это солдаты». Сухопутные порядки во флоте. Морская Академия. Морской Генеральный Штаб. План создания флота Штоша. 3) Мы «выясняем» (колонии). Разносторонность морских интересов.

Глава III. Период Каприви. 1) Основные мысли Каприви. Подготовка к предстоящей войне на два фронта. Береговая оборона. Двенадцать оперативных вопросов. Служба Генерального Штаба. Наш первый оперативный план. Отсутствие программы судостроения. Рейхсканцлер Каприви. 2) Германский флотский офицерский состав и положение германцев.

Глава IV. Техническая служба. 1) Минное дело. В Фиуме. Выработка моего способа работы. Казенная и частная военная промышленность. Система созидания флота. 2) Работа «honoris causa». Развитие миноносцев. Каждое военное судно—компромис. 3) Личности.

Глава V. Новый курс. Уход Каприви из флота. Богатый последствиями раскол среди морских властей. Хаос. Записки и документы. «Штрафная» работа.

Глава VI. Техническая работа. I) Предложение: разработать тактику линейного флота. Моя подготовка к этому в тактической разработке минного дела. «Черная доля». 2) Боевая подготовка линейного флота. Линейная тактика. Основы создания эскадры. Англичане отстают.

Глава VII. Планы флота. Записки и документы. Бой или крейсерская война? Необходимость флота для Германии. Переписка со Штошем 2) Отношение к Англии. 3) Мой оперативный план 1895 г. Приобретение Гельголанда.

Глава VIII. Тцингтау. I) Необходимость для Германии опорного пункта в Китае. Невозможный выбор. У русских. Тцингтау, а не Амой. 2) Форма и объем концессии. Тцингтау остается в ведении Морского Министерства. «Государство» флота. Экономическое развитие и культурно-пионерская работы. 3) Заграничные немцы и флот. Укрепление германской мысли в чужих краях. 4) Морские карты. Высшая школа в Тцингтау. 5) Потеря его.

Глава IX. В морском министерстве. I) Еще раз: заграничный флот или боевой флот. Причины почему нам был нужен боевой флот. 2) Разработка первого закона о флоте. Мой способ работы. 3) Форма закона о флоте.

Глава X. У Бисмарка. I) Спуск «Князя Бисмарка». Мое первое посещение Фридрихсруэ. Бисмарк. Равновесие на море. 2) Поездка через Саксонский лес. 3) Последнее посещение Фридрихсруэ.

Глава XI. Законы о флоте. I) Ознакомление народа с морскими интересами. 2) Первый закон в рейхстаге. 3) Необходимость второго закона. 4) Непредусмотренное быстрое движение. Основные положения для постройки флота. 5) Второй закон в рейхстаге.

Глава XII. Постройка флота. I) Технические трудности. Метод нашей постройки. Непотопляемость. Превосходство нашего судостроения над заграничным. 2) Экономия и недостаток денег. Моя отсталость. Подлодки и воздушные суда. 3) Трения с другими морскими властями. 4) Отношение к парламенту. О личном составе. Находимся ли мы на правильном пути? 5) Мои последние планы.

Глава XIII. Под Кайзером. Стремления. Строительное диллетантство. Недостатки кабинета. Замечания на полях. В Роминтене. Недостаток характеров.

Глава XIV. Морское Министерство и внешняя политика. I) Конституция и ведение дел. Мои политические основы. 2) Отношения к России и Японии. 3) Равновесие на море. Малые государства. 4) Отношение к Америке. 5) Наша потребность в мире. Ошибки нашего выступления.

Глава XV. Англия и германский флот. 1) Английская экономическая ревность и «опасная зона» судостроения. 2) Начало английской морской горячки. Наши морские новеллы 1906 и 1908 гг. Морская горячка адмирала Фишера. Упоминание о морском соглашении с Англией. 3) Агадир.

Необходимость морской новеллы 1911 г. Спор о новелле. 4) Посылка Хольдэна 5) Отзывы о моей морской политике. 6) Маршаль в Лондоне. Примирение?

Глава XVI. Начало войны. 1) Взгляд назад. 2) Германская политика в июле 1914 г. 3) «Карточный домик». 4) Предупредительная война? 5) Вопрос о виновности. 6) Последние дни. 7) Участие флота.

Глава XVII. Главные вопросы войны. 1) Начало военных действий. 2) Вопрос о главном противнике. 3) Наше оружие против Англии. 4) Возможность сепаратного мира с Россией. 5) Идеи войны. 6) Внутренняя политика во время войны. 7) Отечественная партия. 8) Развал.

Глава XVIII. Большой флот во время войны. 1) Флот при начале войны. 2) Действия флота. 3) Оперативный план. 4) Мои документы. 5) Флоть засыпает. 6) Недостаток высшего руководительства. 7) Бой при Скагераке. 8) Последняя фаза.

Глава XIX. Подводная война. 1) Происхождение запретной зоны. 2) Первая неудача. 3) «Лузитания» и «Арабик». 4) Колебания. 5) Моя отставка. 6) «Суссекс». 7) Неограниченная подводная война на 1917 г. 8) Конец.

Заключение.

Приложение. 1) Из моих военных писем.

2) Замечания к нашему судостроению.

ВВЕДЕНИЕ (Апрель 1919 г.).

Цель книги: доказать, что 1) не правы те, кто сомневается в способности германского народа к дальнейшему существованию и в том, что история его развития была правильна, 2) что государственное управление не было устарелым и прогнившим, 3) политическая легенда о существовании легкомысленной автократии и воинствующей военной касты, вызвавших войну, не правильна 4) кайзер не желал войны.

Ответственность за войну в большей степени падает на наших противников, подобно тому, как по правилам расхождения судов в море виновен тот, кто вызывает опасное положение, а не тот, который в последний момент, из за ошибки, в попытке расхождения, производит столкнове-

ние. Несчастье произошло не от того, что мы создали вооруженную силу, но от слабости и неумения ее использовать и из непонимания нами наших противников, их целей войны и сути экономической войны.

Только критическое положение Германии заставляет меня, против моего собственного желания, опубликовать мои воспоминания еще при моей жизни.

ВТОРОЕ ВВЕДЕНИЕ (Ноябрь 1919 г.).

Подтверждается все, что было в первом издании с несколькими дополнениями. Критикам рекомендуется судить о книге в целом, а не брать отдельные места на выбор.

ГЛАВА I.

1 часть. Континентальность Пруссии и малое число желающих поступить во флот. Гибель в 1861 году корвета *Амазоне* с кадетами уменьшила число желающих в следующем году до трех. Пруссия косо смотрела на «либеральный состав» флота в противоположность «юнкерскому» армии. Это сказывалось еще при втором законе о флоте 1900 г., когда один из консерваторов назвал флот «грязным». В то время флот пополнялся из армии и молодежью, обучавшейся в Дании, Голландии и Англии. Неумение заставить себя слушать.

В 1870 г. была образована наша первая броненосная эскадра из 4 судов; ни одного дока. Плавание к Азорским островам, возвращение в июле в Вильгельмсхафен во время мобилизации: шлюзы не готовы, стоянка на рейде. Обязанность защищать наше побережье. В море выходили только два раза. Армия возмущалась, что флот не использован, но было 3 наших судна против 8-ми и мы не имели преимущества в скорости. Тогда еще соблюдалось международное право, согласно Парижской Конвенции 1856 г. и не было англичан, которые его перекроили бы по своему. Опасность на рейде от собственных мин. Самое трудное было—вход в неоконченную гавань при наступлении зимы. Всю зиму армейские учения на берегу, пролог к эре Штоша.

2 часть. Между 1864 и 1870 г. собственно говоря главный порт Пруссии был Плимут. Наилучшие отношения матросов и офицеров к англичанам. Предпочтение во флоте

английских материалов. В 1869 г., когда решался вопрос: Крупп или Армстронг, флот был за последнего. Охлаждение со стороны Англии началось после Седана. Еще в 1873 году я считал наших матросов лучше английских.

ГЛАВА II.

1 часть. С 1871 и 1888 гг. во главе флота стояли армейские генералы. Сначала Штош [1]) как начальник морских сил и одновременно начальник морского отдела военного министерства. Затем с 1883 г. до Вильгельма II—Каприви, как начальник адмиралтейства. В 1867 г. прусский флаг был заменен флагом Северо-Германского союза. В Гамбурге все еще чувствовалось влияние Англии. Только в 1895 г. германский флаг превзошел там по количеству торговых судов английский. Штош начал с заботы о развитии морских интересов и защиты германской работы заграницей. В 1871 г. *Блитцу* приказано защищать германских рыбаков в Северном море. Пользование ими чужими флагами, покровительство в этом рыболовных обществ. Недалеко было время, когда Пальмерстон грозил рассматривать судно под германским флагом, как пирата. Начало работы Штоша было очень трудное; заграничная служба поглощала почти все тогдашние морские силы. Инцидент с командиром *Фридриха Карла* во время восстания в Картагене (смещение Бисмарком командира за решительные действия и приказание Штоша действовать против Картагены. Ответ Штоша колеблющемуся командиру: будут даны подкрепления. Ему кажется, что сражаются люди, а не корабли). Англичане всегда поддерживают офицера, хотя бы его поступки и выходили из рамок.

2 часть. Штош научил флот работать. В 1890 г. на Мальте, когда англичане потребовали вести занятия на своих судах также интенсивно как мы, у них произошли беспорядки. В 1889 г. в Осборне наш десант парадировал перед королевой Викторией и англичане удивлялись: «это солдаты!» С эпохи Штоша начались несомненно увлечения строевыми учениями. Это вместе с невозможностью при тогдашнем состоянии флота иметь тактическое обучение является отчасти причиной трудности найти образованных адмиралов в начале

[1]) Начальник имперского адмиралтейства 1872—1883 г.г. Им созданы морская обсерватория, имперское гидрографическое бюро и морская академия. *Ред.*

XX века. Введение 3 годичной службы во флоте вместо 12-ти летней прусской и уничтожение многих специальностей вредно отразилось на несении службы. Все это и короткие плавания с зимними казармами осухопутили флот, но это вина не одного Штоша; в 1893 г. за это же высказались все флагманы и капитаны. Штош при этом требовал 3-х дневной мобилизации. Плохи были у него советники, слишком много приказывалось и слишком мало изучалось. После гибели в 1878 г. корабля *Гроссер Курфюрст* была большая критика.

Морскую Академию создал Штош с целью не столько изучать специальности, сколько поднять общее образование. Военно-морскую историю вначале изучали плохо. Впоследствии я всегда старался сохранить за Академией этот общий характер и выпускать из нее людей умеющих работать, а не исключительно теоретиков генштабистов [1]). Потом к ней прибавилось немного техники, но я никогда не позволял технике вытеснить общее развитие. Увлечение специальностями становится для флота все более и более опасным. Генеральный Штаб был создан Штошем по образцу сухопутного, но для флота такое выделение не годится. Впоследствии это было изменено и Генеральный Штаб пополнялся офицерами из строя. План создания флота Штоша также исходил из сухопутного понимания: предполагалось создать небольшое «ядро» для наступления и все побережье защищать распределенными по нему судами береговой обороны (кордонная система).

3 часть. Забота о заграничных станционерах, вызываемая недостатком телеграфных сношений и консульств, требовалось присутствие силы на месте, Штош еще в семидесятых годах думал о колониях. Суда в заграничных плаваниях получали инструкции описывать подходящие места (острова Зеленого мыса, Кюрасао, Гавайские острова). Положение отечественной промышленности—отказ от заграничных заказов для флота.

---

[1]) Переводчиком здесь и далее допущены некоторые вольности в переводе на русский язык некоторых немецких терминов. Однако для русского читателя термины: «Генштабист»—как лицо командного состава службы Сухопутного Генерального Штаба, «Генморец»—как такое же лицо службы Морского Генерального Штаба, «Генмор»—как Морской Генеральный Штаб—в настоящее время вполне ясны и обиходны. *Ред.*

ГЛАВА III.

1 часть. При Штоше не было в сущности подготовки к войне, флот был слишком ничтожен и политическая обстановка спокойна. Каприви [1]) внес сразу военный план в нашу работу, он был типичный генштабист. Он был проникнут идеей войны на два фронта. Каждый год он мне говорил: «Ближайшей весной мы имеем войну на два фронта». Он не был политиком и когда возник вопрос о его назначении канцлером он сказал сопровождавшему генералу во время поездки к дворцу: «Теперь я хороню свою военную славу». При Каприви флот получил определенную военно-политическую цель. Раньше всего была создана береговая оборона на случай войны с Францией и Россией. Он говорил: раньше надо пережить войну, которая наступит завтра, потом можно будет развивать флот. Я уже тогда занимался минной обороной и говорил Каприви, что у нас нет никакой тактики. Каприви предложил 12 оперативных вопросов офицерам, мнению которых он доверял. Были устроены поездки генморцев для решения практических задач по обороне. Некоторые из них (предупреждение соединения французского и русского флотов) вели уже из области береговой обороны к чисто морской стратегии. Каприви лично разработал наш первый оперативный план, который был дан им мне для обработки: миноносцы шли атаковать Шербург в момент объявления войны, за ними шли главные силы для его закупорения. Каприви не был достаточно моряком, чтобы создать судостроительную программу, да и в морских кругах царил хаос. Я ему говорил, что типы судов можно выбрать лишь на основании технических требований. Даже в 1893 г. Каприви говорил (будучи канцлером) «сначала надо кончить с войной с Россией и Францией и только тогда можем мы строить сильный флот». Наша чисто континентальная политика не хотела понимать, что «равновесие» заставило бы Англию на нас напасть, если бы мы победили в такой войне. Это не хотел понимать и Бетман в июле 1914 г. Канцлер Каприви все время находился под гипнозом войны на два фронта, это же заставило его отказаться от «договора, страхующего тыл». Он вынес из поездки в Россию впечатление ненависти и зависти петербургских офицеров к прусским, которые

[1]) Впоследствии имперский канцлер, преемник Бисмарка (1831—99) канцлер с 1890 по 1893 г.

«слишком победили». Александр III сказал прусским офицерам, что он не может им показывать своего расположения. Широкие морские интересы были Каприви недоступны, он был слишком типичный военный, а не политик и государственный человек. То же самое по отношению к торговле и промышленности и колониям.

2 часть. Развитие флота затруднялось недостаточным пониманием его значения и экономией. В Германии были чисто континентальные взгляды, взгляды на флот, как на какой то придаток к армии. Это сказалось и в Европейской войне. Германское морское офицерство было менее натянутым чем армейское. К Англии не чувствовалось в то время никакой антипатии. Английское плохое отношение к нам началось лишь с развития нашей торговли и промышленности и улучшить это не могли бы никакие планы войны на два фронта нашего генштаба. Во время эры Каприви английская неприязнь не чувствовалась, но через 10 лет, задолго еще до начала настоящего нашего военного судостроения, в середине девяностых годов, она была в полном ходу. С вступлением на престол Вильгельма II кончился период «морских генералов». С этого времени в течение почти десяти лет до принятия мною морского министерства в 1897 г. наступил хаос.

ГЛАВА IV.

1 часть. Еще во время Штоша, при введении во флоте первых мин Уайтхеда, которые оказались неудачными, кайзер потребовал отчеты и мой отчет обратил его внимание. Я был послан зимой 1877/78 г. в Фиуме для изучения дела. Половина купленных мин оказалась негодной, пришлось вернуть. В бытность в Фиумэ получил предписание помогать по мере возможности русским. Уайтхед (англичанин) не хотел им поставлять. Будучи поставлен во главе минного дела я начал работать чуть ли не собственноручно. Начало выжидательной тактики по отношению ко всяким новшествам и изобретениям для избежания «выставки образцов» и неэкономичного расходования денег. Минное дело требовало от завода большой точности в работе. Создание казенных мастерских для улучшения и держания в струне частной промышленности, отклонение монополии Шварцкопфа. Поддержание частной промышленности в бытность статс-секретарем для избежания сосредоточения больших запасов. Всем фирмам, которым давались заказы (провиант, обмундирование, топливо

и т. д.) они делались лишь с условием чтобы те налаживали производство с рассчетом на случай мобилизации поднять его до требуемой высоты. Для этого иногда в мирное время платилось несколько дороже. Это дало возможность флоту уступить во время Европейской войны армии, до 1915 г., 2 миллиона килограмм пороха. В главной квартире в октябре 1914 г. говорилось, что нельзя больше атаковать Вердея из за недостатка пороха, так как нельзя ставить армию кронпринца в ложное положение. В рейхстаге неоднократно высказывалось неудовольствие на слишком большие заказы частной промышленности и склонялись, с точки зрения государственного социализма, к казенной, но слишком большая перегрузка последней в ущерб частной, приведет и в будущие войны к таким же кризисам.

2 часть. Развитие миноносцев в 1884 г. Каприви предложил мне разработать тактику миноносцев. В то время не было еще установленного плана, были сторонники малых, мореходных и т. д. Здесь, как и впоследствии в девяностых годах при разработке линейной тактики, тактическая работа шла впереди технической. В это же время пришли первые заказанные в Англии миноносцы, представлявшие собой разные образцы, так как фирмам был дан ряд заданий и предложено самим выбрать из них. Военное судно—компромис, нужно исходить из стратегических и тактических заданий. Для устранения трений Каприви в 1886 г. создал минную инспекцию. Никогда не был сторонником исключительно минного флота, всегда считал его (подобно впоследствии подлодкам) вспомогательным оружием, никогда не могущим заменить боевого флота.

3 часть. Представление старому кайзеру в качестве начальника минной инспекции. Сопровождение в 1887 г. принца Вильгельма (будущего II) в Англию начальником отряда миноносцев. Интерес принца к мировой технике. В 1888 г. уход Каприви и назначение гр. Монтс, недоверие его к миноносцам.

ГЛАВА V.

1 часть. Новый курс. При вступлении на престол Вильгельма II он вызвал к себе начальника корабельных инженеров помимо Каприви и высказал желание лично управлять флотом. Каприви подал в отставку. В 1888 г. было произведено разделение командования флотом от управления Мор-

ведом [1]) и создан Морской Кабинет, все три непосредственно подчиненные Монарху. Путь к двойной и тройной морской политике был открыт. Лишь в 1918 г., когда все было потеряно, командование флотом и управление Морведом были соединены в одних руках и Кабинет уничтожен. Те трения, которые происходили между ними, конечно публике неизвестны. Горячее желание кайзера иметь флот, если бы оно было произведено в исполнение сразу в 1888 г. и не было бы потеряно время до 1897 г. могло бы дать нам возможность избежать войны и не создало бы «опасной зоны». В 1888 г. было очень мало образованных морских офицеров. Хаос: после короткого управления гр. Монтс и адмирала Хейснер, в 1890 г. вступил Хольман в управление Морведом; он не имел ясной цели. В Рейхстаг вносили не то, что было нужно, а то что можно было от него получить. Рейхстаг ругался: «Зигзагкурсы», «безбрежные планы». По справедливости, в других флотах было то же самое. Записка о создании флота. Откомандован в 1889 и 1890 г.г. с двумя броненосцами в Средиземное море, вернулся в Германию и должен был быть назначен командиром Порта, но Каприви нашел нужным подготовку для занятия более ответственной должности. Осенью 1890 г. был назначен начальником штаба станции Балтийского моря. Осенью 1891 г. во время послеобеденного разговора во дворце в Киле, на котором присутствовал старый Мольтке, кайзер просил всех высказаться по вопросу о развитии флота. Все говорили несвязно. Наконец кайзер сказал: «ну я вас выслушал, как вы часами спорили о принципах; пора прекратить это свинство. А всетаки ни один из вас не сделал конкретного предложения». Начальник Морского Кабинета, заявив, что у меня была записка, уговорил меня выступить и я ее изложил. На следующий день всем присутствовавшим офицерам была дана «штрафная работа».

ГЛАВА VI.

1 часть. Разработка тактики линейного флота. В 1892 г. был назначен Начальником Штаба Командования Флотом, с поручением от кайзера разработать тактику флота. Занимался усердно военными науками, как морскими, так и сухопутными. За 11 лет занятии минным делом имел большую теоретическую и практическую подготовку в разработке

[1]) «Морвед»—Морское Министерство. *Ред.*

тактики. Требовал решительности, инициативы и отсутствия «рецептов». Миноносные офицеры много помогли при разработке тактики для линейного флота.

2 часть. При вступлении моем в 1892 г. в должность, во флоте еще царили «сухопутные взгляды» (зимнее разоружение); это было прекращено. Была издана «эволюционная книга», но никакого боевого порядка. Чтобы избавиться от этой «каруселя», я создал проект тактических перестроений. Были произведены большие маневры и тогда практически много «каруселей» отпало. Был намечен «боевой порядок» и отсюда же выяснился состав эскадры (8 кораблей), вошедший затем в закон о флоте. Англия отстала: не было жизненной надобности заботиться, настолько она была сильнее на море. Сначала англичане не обращали внимания на нашу работу, но затем видимо, к ним попало несколько наших инструкций (украденых или взятых с затонувшего миноносца) и с 1896 г. она начала за нами следить и нас изучать, но они и теперь не сознаются, что учились у нас. Необоснованный престиж английского флота помешал ответственным людям в начале Европейской войны использовать германский флот.

ГЛАВА VII.

1 часть. Из требований тактики выяснилось желательное соединение судового материала. Высшее командование флотом писало один проект за другим в этом духе, но несмотря на это, морское управление работало одновременно над крейсерской войной и вносило в Рейхстаг путанные предложения. Зимой 1894/95 г.г. целый ряд членов Рейхстага был приглашен во дворец в Потсдам для выслушания морского доклада. Его хотел сделать сам кайзер. Я узнал, что кайзер хочет это сделать на основе исключительно крейсерской войны. Накануне, во время моего очередного доклада, я разъяснил кайзеру что конечной целью флота является «бой» из которого надо исходить в экономической и организационной работе. Кайзер был смущен, ему надо было менять весь свой доклад, он все же спросил: «почему же Нельсон все время требовал фрегаты». «Потому что он имел уже боевой флот». Доклад кайзера вышел смешанный и Рейхстаг опять не знал целей флота, говорили о «личных настроениях», «если бы мы только знали, какой дорогой мы желаем идти» и т. д. Необходимость флота для Германии. В 1895 г. я ушел из за трений с Морведом. В том же году высшее

командование внесло проект судостроения, на который от меня кайзер потребовал отзыв. Народ, избалованный политикой и успехами Бисмарка, не понимал морских интересов. Кайзер понимал, но ему мешали излишняя живость и любовь к фейерверку. Развитие нашей промышленности, требовавшей рынков, сохраняло нам 1 миллион населения ежегодно. Еще Бисмарк говорил: «Мы должны вывозить товары или людей». Мир был уже почти разделен, надо было торопиться и создать боеспособный флот, который бы имел вес для привлечения союзников и создал бы помощь дипломатии.

2 часть. Я не одобрял депеш к Крюгеру [1]), ибо это был вызов Англии, который мы сделали не имея за спиной достаточной силы. Наши политики совершенно не понимают значения флота, если же мы желаем сохранить теперешний курс (мирового развития) то этого нельзя сделать без морской силы. Ненависть, вызванная в Англии депешей Крюгеру значительно помогла германскому народу понять значение флота, но я ее считал опасной и нежелательной, так как это настроение создавало опасности для успешного и своевременного судостроения. Теперь, после Европейской войны, народ поймет, что значит быть во власти англо-саксов. Я и сейчас считаю, что создание германского флота было необходимостью, надо было лишь вести более предусмотрительную политику. Нельзя было вести мировую торговлю и не иметь флота, Англия бы нас застопорила гораздо раньше. Германский народ, кроме того, не понял английской способности нас окружить и вести войну, что только впоследствии показала война.

3 часть. Оперативный план 1895 г. План создания германского флота был составлен, не имея в виду Англии, наоборот, при Каприви ее рассматривали как морское дополнение тройственного союза против Франции и России. План имел ввиду войну на два фронта при нейтралитете Англии и именно бой с французским флотом. Лишь после вызова в 1896 г. со стороны Англии пришлось прибавить к вероятным противникам и Англию. Первый официальный оперативный план против Англии был составлен в Генморе в XX веке. Гельголанд. В 1890 г. Англия уступила его нам за Занзибар. О значении его в войне с Англией в Германии особенно не думали. Он получил значение после технически-смелого решения принятого в 1906 г. сделать его укрепленной гаванью. Флот сначала смотрел на него с неудовольствием, как поглотившего много денег.

---

[1]) Крюгер—Президент Трансвааля. *Ред.*

ГЛАВА VIII.

Негодность всех проектов дальневосточных баз (Амой, бухта Сам-са[1]), острова Чусан). Разговор в Чифу с новым посланником Хейкинг; кайзер ему сказал, «я послал лучшего посланника и лучшего адмирала, он наверно хорошо решит, как Ваше мнение?» «Амой» ответил посланник. На вопрос Тирпитца «почему?» — ответ: «я не мог оставить кайзера без определенного ответа». Посещение Владивостока. Алексеев рекомендовал острова Чусан. Выбор Тцингтао по моему докладу, вопреки мнению дипломатии об Амое.

3 часть. Заграничные немцы и флот. Жалобы на быструю забывчивость немцами своей национальности заграницей. 10 миллионов немцев в Америке ничего не сделали для отечества в Европейскую войну. Перемена наступила лишь незадолго до войны, благодаря развитию морского могущества Германии. Политики не понимали влияния флота на самосознание немцев заграницей. Падение Тцингтао: мысль иметь опорный пункт на Дальнем Востоке была проведена при условии сохранения хороших отношений с Японией. На японский ультиматум 15 августа 1914 г. Бетман хотел согласиться, но я настоял на оставлении без ответа, считая, что наш престиж все равно был бы потерян на Дальнем Востоке принятием ультиматума. В августе никто еще не знал сколько времени продолжится война, армия судила оптимистически.

ГЛАВА IX.

1 часть. Еще раз вопрос—заграничный или боевой флот. По возвращении моем с Дальнего Востока весной 1897 г. кайзер сказал, что все готово для проведения судостроительной программы, выработанной комиссией. Взгляд на работу комиссий: больше годится для критики, чем для создания, ответственность распыляется. Нет сознания в громадной разнице между идеей и воплощением ее в жизнь. Проект комиссии имел центром тяжести большой заграничный флот. Большое количество заграничных крейсеров без опорных пунктов и без поддержки боевого флота вещь опасная в смысле конфликтов. Всю мою службу я боролся против двух любимых детищ публики: береговой обороны и заграничного край-

[1]) Около 50 миль на север от Фу-чжоу. *Ред.*

серского флота. Даже такие военные авторитеты, как фельдм. фон дер Гольц, в качестве главного инженерного инспектора, хотел меня заставить покрыть побережье башенными установками и это при наличии боевого флота. Что лучшая береговая оборона заключается в боевом флоте, доказала мировая война. Насчет крейсеров я сказал кайзеру: так как мы не имеем для них опорных пунктов и наше географическое положение неблагоприятно, то, в случае войны с Англией дело будет решать боевой флот между Гельголандом и Темзой. «Хотя бы один подходящий морской союзник при наличии у нас боевого флота был бы достаточен, чтобы сделать для нас обстановку в мировой войне благоприятной». Кайзер удивительно быстро согласился с моими доводами и план крейсерского флота 1897 г. был окончательно оставлен. Я уже тогда считал боевой флот и союз с подходящими государствами второго разряда в морском отношении единственным средством заставить Англию признать за нами наше мировое положение.

2 часть. Разработка первого закона о флоте. Отбросил от себя все доклады, кроме работ по закону о флоте. Главные помощники: Капелле—по финансовой части и сношениям с Рейхстагом, Херринген—по подготовке общественного мнения. Стремление избежать личной перегрузки и окружить себя товарищами единомышленниками. Неправильность иных методов управления из-за, якобы, перегруженности начальника; нужно давать лишь директивы, а не браться самому за каждую мелочь. В организационной работе главное—это избежать основных ошибочных направлений, так как потом мелочи затрудняют выяснение в чем ошибка. Организации надо давать выкристаллизироваться вокруг избранного пункта и предусмотреть известную гибкость. Чем меньше выступать в рейхстаге, тем лучше, в особенности в таком политичном деле, как морское. Наше главное оружие в рейхстаге была тщательная обработка пунктов, не дававшая возможности логичной критике. Никаких других закулисных средств мы не употребляли. Первый наш проект перерабатывался в нашей среде 12 раз. Мне пришлось проявить большую разносторонность и умение согласовать мнения узких специалистов. Поощрение инициативы и отсутствие «слепого приказания» в работах Морведа.

3 часть. Почему выбрана форма закона? Все говорили, что эта форма не пройдет, что надо ограничиться ежегодными ассигнованиями. Закон нужен был для придания проч-

ности созданию флота, чтобы оградить его от критики каждого типа корабля Рейхстагом («упражнение в дебатах»), для однообразия флота: германский флот, хотя и не был так пестр типами, как русский при Николае II, но все же мы не могли позволить себе роскошь тратить деньги только на эксперименты. Надо было уберечься от увлечений кайзера, которого я мог сдерживать лишь прошениями об отставке и законом о флоте. Все министерство было против формы закона. Для нравственной поддержки я решил заинтересовать Бисмарка.

ГЛАВА X.

Мои доводы перед Бисмарком, что флот не есть прихоть кайзера, а потребность государства. Бисмарк не желал понять значения линейного флота и стоял за малые суда для береговой обороны и заграницы. В случае войны России и Англии Германия должна была бы остаться нейтральной. Он считал что Англию можно отразить ландвером, и не хотел понять значения блокады. В конце концов он, все-таки, согласился, что флот Германии нужен. Фраза Бисмарка кайзеру: «пока мы имеем этот офицерский состав, Вы можете все себе позволять, если его больше не будет—дело переменится».

ГЛАВА XI.

1 часть. Пропаганда закона в публике. Личное ознакомление почти всех союзных князей. Херинген организовал «осведомительный отдел» морведа, ездил по университетам и заручался отзывами всех известных политико-экономистов (Брентано, Шмолер, Вагнер, Зеринг, Шумахер и т. д.). Они считали расходы на флот продуктивными при данных обстоятельствах и лично помогли распространению национально-экономической идеи. Историки меньше понимали наше положение, продолжая исходить из чисто континентальной точки зрения. Армия тоже мало выросла из этого мировоззрения и была проникнута только подготовкой к войне на два фронта, но отдельные лица, вроде фон дер Гольца, понимали значение флота. Всем газетам давали из морведа необходимый материал и был организован ряд публичных чтений и лекций. Были организованы поездки публики в порты для

осмотра судов, обращались к школам, поощряли писателей, и т. д. Все расходы покрывались добровольными пожертвованиями, так как в смете ничего отпущено не было. В сентябре 1897 г. я докладывал канцлеру Хохенлоэ проект закона, в октябре совет министров его принял. Закон не требовал новых налогов или займа. Победила хорошая тактическая подготовка и наши убеждения лидеров главных партий в отдельности. Первый закон требовал ассигнований на 6 лет вперед, но всем было известно, что потом последуют дальнейшие требования.

3 часть. Необходимость второго закона. Уже с 1898 г. я имел ввиду следующее увеличение флота и сообразно с этим вел организационную работу. В конце 1899 г. я получил согласие кайзера и полагал внести в рейхстаг в 1901 или 1902 г. «новеллу». Причины «новеллы» — вздорожание судов, желание закладывать по возможности одинаковое число судов ежегодно. Военная обстановка и состояние судостроительной промышленности рекомендовало постройку 3 судов ежегодно; быстрое изменение в политической обстановке и быстрое развитие флотов во всех государствах.

4 часть. Не предусмотрено быстрое проведение закона. Несмотря на мою просьбу ничего не говорить о морских делах при спуске *Курфюрст дер Гроссе* в Гамбурге в октябре 1899 г., несмотря на такое же желание Бюлова, кайзер не удержался и оповестил в своей речи о предстоящем усилении флота. Проект был неподготовлен, кайзер говорил: «Бисмарк всю конституцию написал в 24 часа, отчего вы колеблетесь?» Подъем, вызванный бурской войной, облегчил внесение проекта, кайзер гнал по всю и в начале 1900 г. проект был внесен. Россия одобрила проект и Хохенлоэ доносил из Франции, что там молчаливо согласились. Я не хотел публично обосновывать «новеллу» желанием создать некоторую угрозу Англии, но надо было, всетаки, яснее обосновать усиление флота в два раза. Я решил обосновать цель «политической обороной» при наиболее трудной военной обстановке. Это достигается, если считать нашего противника сильнейшим на море и исходить из морского боя с ним. Короче говоря, «политическая оборона вместе с тактическим стремлением к бою». В 1900 г. я напомнил кайзеру, что наш будущий флот никогда не будет в состоянии грозить Англии нападением и его цель—борьба в отечественных водах. Я его предупреждал быть осторожным в речах. Рейхстаг провел «новеллу» без затруднений.

ГЛАВА XII.

1 часть. Технические трудности. Отсутствие «опытного бассейна», узость шлюзов Вильгельмсхафена, мелкое побережье, недостаток техников-судостроителей, поощрения им, тщательный подбор и т. д. Непотопляемость: опыты с построенными моделями, противо-минные переборки, уничтожение непроницаемых дверей (сплошные переборки). В войне *Висбаден*, *Майнц* открыли в конце концов кингстоны и потонули. *Эмден*, выскочивший на коралловый риф—сохранил переборки целыми; *Гебен*, получив три минных попадания, вернулся в Босфор под собственными машинами, тогда как английские суда от одной мины тонули. Наши достоинства были незаметны в мирное время, но должны были сказаться во время войны, если бы флоту дана была возможность. Английское судостроение было менее продумано и менее добросовестно чем наше.

2 часть. Судостроение есть в сущности прикладная тактика плюс денежный вопрос. Наши бюджеты временами были меньше французского и русского и мы строго были связаны невозможностью расчитывать на займы, или налоги. Моя отсталость: не считал возможным бросать деньги, пока не испробовано новое, что конечно восстанавливало против меня изобретателей. Пример—подлодки и воздушные корабли. Пока подлодки были только прибрежные, я не хотел тратить на них денег; как только явилась возможность строить мореходные—я первый за них принялся. Подводная война против торговли сделалась возможной лишь после нарушения англичанами всех норм международного права. Требовать, чтобы еще в мирное время были предусмотрены все возможности войны, все равно, что требовать от армии, воевавшей в мировую войну, вооружения танками до начала ее. Я был всегда настроен против воздушных кораблей для мировой войны, ожидая гораздо большего от аэропланов; война подтвердила мои ожидания.

3 часть. Трения с морскими властями. Главное командование было недовольно, что закон прошел в моей разработке, а не крейсера. Моряки академии еще некоторое время пропагандировали идею крейсерской войны, против линейного флота, пока я не вмешался и не прекратил. Против статс секретариата интриговало морское командование, ссылаясь на верховное командование монарха в противополож-

ность зависящему от рейхстага статс секретарю. В конце концов я убедил кайзера и главное командование было упразднено, функции его были разделены между статс секретариатом, станциями морей и вновь созданным генмором. Последний был сколком с сухопутного генштаба. Я не уверен, правильно ли, что генштаб в армии так самостоятельно разростался, утеряв живую связь с военным министерством и понимание техники. Для флота такое выделение было неправильно и гораздо лучше сосредоточение в одних руках, как в Англии в Адмиралтействе. При таком делении, как у нас, на лицо опасность, что желательное безгранично и всегда сталкивается с ограниченными возможностями. Созданный начальник флота открытого моря имел тенденцию забирать под себя все плавучие средства. Вопрос о совмещении его должности с командующим эскадрой. Отрицательное решение. Положение статс секретаря: держать свою линию, но не вторгаться в прерогативы кайзера и прочих отраслей флота и надеяться, что в случае войны будет создано единоличное самостоятельное командование. Мое положение и власть, как видно из изложенного, преувеличивались в стране.

4 часть. Отношение к парламенту. Члены рейхстага поездками по портам и пр. скоро убедились, то дело налажено и оставили меня в покое. Надо всегда иметь что уступить и иметь в запасе «шарик, с которым рейхстаг мог бы играть». Личный состав: флот как обще-имперское учреждение много способствовал развитию обще-германской национальности. Прекрасный состав прибрежных жителей и рабочих, кочегаров брали на расхват со службы. Офицерский состав был прекрасный, серьезный и работоспособный, что доказала война. Однако единство военного мышления, благодаря разделению морских властей — утерялось. Когда я 30 июля 1914 г. ознакомился с оперативной директивой генмора, я ужаснулся его теоретичностью и недостатком инициативы, но все же, если бы командование было бы хорошее, флот мог бы многое сделать.

5 часть. Я хотел после создания боевого флота наладить заграничное плавание эскадрами по очереди для тренировки и развития личного состава. Делать это до окончания создания флота было нежелательно и даже опасно (Китайская экспедиция, Венецуэла, Агадир и т. д.).

ГЛАВА XIII.

1 часть. Увлечения кайзера. Основная черта его характера—увлечение. Способность быстро схватывать, фантазия, которая поддается отдельным впечатлениям, и самоуверенность создали хорошую почву для безответственных влияний, при которых проведение в жизнь было или невозможно, или же несоответственно общему плану. Для человека, занимающего высокое положение, всегда трудно отделить мишурный успех от длительного. Особенно трудно было настаивать на раз взятом курсе. Особенности моего характера были противоположны таковым кайзера. Я был кайзеру необходим, как организатор, но был неудобным подчиненным и прошел все стадии милости и немилости. Один мой знакомый сказал мне, что в моем положении самое выгодное быть всегда в состоянии «легкой немилости». Мало успеха я имел в удержании кайзера от речей, Кильской недели, спусков судов и прочих парадов, к чему я стремился в виду производимого ими заграницей впечатления, он же считал их необходимыми для общественного мнения. Особенно же он интересовался судостроением и вообще постройками, сам чертил и рассылал во многих экземплярах даже членам рейхстага. Однако без кайзера нельзя было бы преодолеть инертность народа к морю и это останется его исторической заслугой. Инцидент с «Homunculus». Более серьезное отношение в спокойной обстановке (Rominten). Слабое здоровье и с годами, как результат, прислуживание к слабым волям. Старался говорить наедине, при свидетелях всегда изображался «кайзер»; и в этом коренилось могущество кабинетов. Начальник кабинета всегда присутствовал на соответствующих докладах. Вред кабинетов еще в нежелании кайзера менять людей, которые, отрываясь от строя, превращались в придворных. Кайзер не видал этого и считал, что кабинеты только передают его приказания. Хохенлоэ и Бюлов всегда поддерживали меня перед кабинетами, при Бетмане было наоборот. Удивительно, что рейхстаг и демократия никогда не нападали на кабинеты в ограждение конституции. Чтобы не путать историков, надо предупредить их насчет пометок кайзера на полях бумаг. Он сам говорил: «на мои пометки нельзя опираться», когда я раз подал в отставку из за одной из них. Он требовал, чтобы из них брали дело и отбрасывали выражения минутного настроения. Вместе с тем кайзер не был автократом и признавал консти-

туцию, что сказалось особенно во время войны. Я всегда говорил с ним только в пределах моей службы, а потому имел в общем мало влияния. Жена кайзера не вмешивалась в дела, но когда это происходило (в исключительных случаях)—обыкновенно благотворно. Она примирила его с Гинденбургом весной 1915 г., когда кайзер ехал на восточный фронт, неожиданно приехав в Галле из Берлина.

ГЛАВА XIV.

1 часть. Конституция. Империя управлялась не министерством (советом), а одним канцлером, которому министры были подчинены, а не были его коллегами. Рейхсканцлер мог решать даже вопросы морской политики помимо меня. Конституция была создана для канцлеров Бисмарковского масштаба, а потому исключала коллегиальность. Часто даже с соответственным министром не советовались, а министры между собой связи не поддерживали. Во время войны канцлер иногда делал доклады по морской политике и получал санкции на невыполнимые вещи. Меня не спрашивали например при вмешательстве в Марокканский инцидент. Мои политические основы: 1) сохранение мира, при котором мы ежегодно выигрывали, 2) избежание всех столкновений и инцидентов и, как вызовов, так и излишних заискиваний, которых (последних) Англия не понимала, 3) укрепление нашего молодого морского могущества в установлении равновесия на морях. Как следствие, я не одобрял слишком тесной связи с Австрией и с сожалением смотрел, как мы вели нашу Балканскую и восточную политику, увлекавшую нас на романтические второстепенные интересы. Одно то, что нам эту политику рекомендовала Англия, укрепляло меня в моем мнении. Наоборот, нашей целью должен был бы быть Атлантический океан, при сохранении длительного мира на континенте. Я боялся потерять ключ ко всему нашему политическому положению, который по моему лежал в России и Японии.

2 часть. Отношение к России. Согласен с Бисмарком—Россия—именно основание нашей политики. Пути России скрещивались с английскими, но тут мы не использовали положения и несчастным образом уперлись в линию Берлин—Константинополь—Багдад. Заседание октября 1904: министерство иностранных дел по высочайшему повелению предложило проект союза с Россией; гр. Шлиффен был против, я тоже

(невыгодность во время Японской войны, преждевременное раздражение Англии, пока мы не готовы, ослабление русских армии и флота). Предложение союза было послано России и принято ею холодно. Японская война (просьба Рожественского взять с собой Гинце). После войны начал в России подниматься английский курс. Рожественский, вернувшись из плена, говорил Гинце: «тот, кто помогает русскому и хорошо к нему относится, получает от него пинок ногой, он на него смотрит как на лакея, кто же его стегает кнутом, тому он целует край платья». Даже после 1907 г. у меня было впечатление, что нам царизм не угрожает. Гинце доносил о нарождающейся нелюбви к нам среди русских офицеров. Вместо того, чтобы сглаживать это нарождающееся настроение, мы вели в 1908/14 г. г. нашу Балканскую политику (в особенности посылка военной миссии в Константинополь). Война с Россией была кардинальной ошибкой нашей политики, возможно скорое заключение с ней мира должно было бы быть целью нашей дальнейшей политики, если она хотела победы. Это заключение мира было сильно затруднено присоединением к нам Турции и невыполнением плана Гинденбурга в 1915 г. Но еще можно было это сделать в 1916 г., когда царь назначил для этой цели Штюрмера. Стремление Бетмана сваливать свои ошибки на военных заставило его польскую прокламацию приписать Людендорфу. Но сам Бетман говорил об этом еще зимой 1915/16 г. г. в совете министров. Действительно, наше мирное предложение в декабре 1916 г. было уничтожено этим фактом, который царь счел пощечиной. Штюрмер сказал, что «оно убила мир». Еще в середине июля 1914 г., ввиду предстоящего ультиматума Сербии, я писал в Берлин своему временному заместителю, что непонимание Бетманом политики Англии приведет нас к роковому столкновению с Россией. Мои выражения были: надо только себе представить, какую политику должен был бы вести английский Бисмарк против России и Германии. Канцлер совершенно неправ, влюблен в свою идею ухаживания за расположением Англии. Наступает час судьбы германского народа. Мы должны во чтобы то ни стало сговориться с Россией и поставить кита против медведя. Сентиментальности должны смолкнуть. Что кайзер не нашел в себе достаточно мужества в 1916 г. круто повернуть нашу политику и заменить канцлера, это было роковым. Я не боялся России, если бы даже после войны она осталась бы по прежнему сильной (с Польшей), чего я боялся—это быть отрезанным от моря и его торговли, которыми жили почти $^1/_2$ всех германцев.

Я не знаю, знает ли история большую трагедию, как взаимоуничтожение русских и немцев «ad majorem gloriam» англосаксов. С русскими морскими кругами я старался поддерживать хорошие отношения даже после охлаждения. В Петербурге хватались за все изобретения с жадностью. Там строили по принципу «из всех цветов радуги получить белый». Я даже говорил царю, намекая, что лучше всего найти подходящего человека, которому и поручить все дело, иначе не будет системы. *Япония.* Во время войны надо было заключить с ней союз через Россию и вообще стараться сделать его возможно прочнее. Так как наша политика пошла по пути искания сближения с Англией и борьбы с Россией, то это сделалось невозможным. Заключение Японией договора с Россией в 1916 г. показало, что первая понимает значение союзника против англосаксов. С прибавлением сюда Германии получилось бы обеспечение мира в мире. После разгрома России и Германии думать об этом, конечно, поздно.

3 часть. Малые государства. Их положение (в морском отношении как союзников против Англии). Их полезность для равновесия на море. Необходимость для этого смотреть на политику и вне четырехугольника Берлин-Париж-Вена-Петербург. Во время войны у нас не было морских союзников, австрийский флот помог нам только базой для подлодок в Поле. Нам достаточно было бы на море иметь союзником Россию или хотя-бы Италию. В Германии не нашлось ни одного политика, который бы использовал силу нашего флота в союзном отношении и сделал бы эту войну невозможной. Дании я придавал большее значение, чем Австрии. Мы не должны были «завоевывать» малые государства, их надо было «привлекать». Я не был анексионистом ни до войны, ни во время ее, ни на Востоке, ни на Западе, но считал, что со стратегической стороны нам необходимо сделать самостоятельную Фландрию с нашим правом занимать Зеебрюгге. Наша война была быть может последней попыткой Европы избавиться от англо-саксонского мирового капитализма. «The world is rapidly becomming english»[1]). Наши социалисты уничтожили германский капитал, но толкнули германских рабочих в руки английского, который гораздо жестче. Я всегда был противником репрессивных действий (в ответ на английские), концентрационных лагерей для гражданского населения, воздушных атак незащищенных пунктов и т. д.

---

[1]) «Мир быстро делается английским» *Ред.*

4 часть. Америка. Никчемушняя посылка нашей эскадры в 1898 г. во время испанской войны, была использована английской прессой. То же с посылкой судов в Венецуеллу в 1902 г. для помощи Америке, на самом деле это было истолковано иначе. Мы должны были понимать, что Англия сделает все, чтобы быть в хороших отношениях с Америкой и что ожидать их столкновения нам не приходится. С течением времени возникли бы разногласия между Америкой и Англией из за соперничества и колоний, но вместо этого мы, втянувшись в войну 1914 г., связали их между собой. Америка с начала войны не верила в нашу победу, видя превосходство сил наших противников.

5 часть. Ошибки выступления. Никто не понимал опасности блокады, надо было мирно довести флот до такой силы, чтобы сделать для Англии войну с нами рискованной. Никто не предвидел возможности войны из-за австро-сербского конфликта, ответственные деятели находились под этой иллюзией. Во время войны можно было расчитывать на ее благополучное окончание (по отношению к Англии) при условиях: морского боя, своевременной подводной войны, сепаратного мира с Россией и единства германского народа. В декабре 1911 г. после Марокского кризиса, когда мои отношения с Бетманом испортились, мне было сказано начальником кабинета, что существует проект меня назначить канцлером. Я ответил, что отклоню, считая себя неспособным, но если бы я мог предвидеть дальнейшее, я бы, конечно, согласился. После этого меня часто назначали на это место «по слухам», но я ни разу не получил конкретного предложения сверху.

ГЛАВА XV.

1 часть. Английская ревность. Многие думают, что при более умной политике с нашей стороны и отсутствии у Германии флота, можно было бы достичь хороших отношений с Англией. Бисмарк в 1898 г. сказал: «он сожалеет что не существует лучших отношений между Германией и Англией, но к несчастью он не знает ни одного средства помочь, единственное ему известное—это наложить узду на германскую промышленность, но оно неприменимо». Флот свое назначение исполнил до 1914 г., когда не по его вине нас втянули в войну. Наоборот отношения с Англией были хуже и натянутее в период нашей сравнительной беззащит-

ности и в особенности при начале «опасной зоны» в 1904 г. Сначала было «made in Germany», потом депеша к Крюгеру. Англия начала тогда сознавать (как и раньше), кто делается очередным врагом. «Опасную зону» 1904—08 г.г. мы прошли благодаря неспособности к войне армий Франции и Англии. Таково было мнение и Бюлова. Сближение Франции с Англией началось с 1898/9 г. (Фашоды) и уже в 1901 г. британский кабинет склонялся к присоединению к Франции и России путем уступок в Марокко, Персии и Китае. Влияние нашего флота сказалось в том, что ко времени австрийского ультиматума Сербии, Англия была менее воинственно к нам настроена чем десять лет назад. Начиная с 1903 г. английский основной принцип был: недопущение ослабления Франции Германией и вообще усиления наиболее сильной континентальной державы. Переход в 1905 г. Англии к дредноутам в надежде что мы не справимся с Кильским каналом.

2 часть. Английская горячка и «новелла» 1906 и 1908 г. Сосредоточение против нас английских эскадр в 1905 г. и дредноуты. При нашем в то время слабом флоте, несомненное желание нас запугать. У нас тоже начался контр-поход. Кайзер требовал уменьшения возраста судов. Я противился и даже в 1906 г. подавал в отставку. В «новелле» 1906 г. мы требовали 6 крейсеров (вычеркнутых в 1900 г.) и средств к переходу на дредноуты и на расширение Кильского канала. «Новелла» 1906 г. была вызвана необходимостью уменьшить возраст судов (скорейшая замена), и желательностью для удобства ежегодной равномерной закладки по 3 судна. Она не увеличивала числа судов против основного закона. Новелла предусматривала: с 1908 по 1911 г.— по 4 судна, с 1912 по 1917 г.г. по 2 судна и впоследствии равномерно по 3. Эти новеллы были использованы Англией для наускивания общественного мнения. Обыкновенно состав английского флота 1908 г. противупоставлялся германскому в 1920 г. и таким грубым способом добивались, например, того, что Англия в 1909 г. заложила сразу 8 дредноутов, против наших 4-х. Однако ближайшие годы показали, что Англия примирялась с ежегодной постройкой наших 4-х судов. Ответственные ее руководители понимали, что со стороны Германии было бы сумасшествием думать о нападении на Англию. Но затем наши дипломаты начали верить англичанам, когда те им говорили, что в англо-германском кризисе виноват рост германского флота. Я говорил об этом подробно с Бюловым зимой 1908/09 г.г. и предложил установить взаимоотношение обоих флотов сначала 3:4, затем 2:3. Наконец по предло-

жению Черчилля мы согласились впоследствии и на 10:16. По мнению главных морских авторитетов, при наличии всех прочих условий, наступающему нужно превосходство в числе примерно на 30%, значит мы давали Англии еще больше этого. Коренная ошибка Бетмана было думать, что малыми подачками в этой области мы сможем изменить наши отношения с Англией. Я со своей стороны сделал все возможное и старался влиять и на кайзера, чтобы привести начатые в 1908 г. морские переговоры с Англией к благоприятному результату. Эти переговоры велись сначала частным образом и часто прерывались Англией, что создавало впечатление, что Англия не смотрела на них серьезно. Сторонником взгляда, что не будь нашего флота, Англия пошла бы рука об руку с нами, был и наш советник посольства в Лондоне Кюльман.

3 часть. Агадир. Новелла 1911 г. В июне 1911 г. Кидерлен настоял послать «Пантеру» в Агадир, не предупредив Англию и не отвечая несколько недель на последовавший с ее стороны запрос. Результат—Ллойд-Джордж в речи 21 июля сказал, что в случае нашего вызова Франции, Англия станет на сторону последней. Я узнал о посылке находясь в летнем отпуску и частным путем; уже это было ненормально. Бетман потом говорил, что он никогда не имел видов на Мароко, но тогда зачем была эта демонстрация? После такого политического поражения и вызванного им настроения во Франции нам оставалось только усилить вооруженные силы. Осенью я доложил канцлеру о проекте новеллы активирования третьей эскадры и усиления флота на 3 корабля (в 20 лет). По настоянию канцлера, не хотевшего новеллы, я сделал уступки (постепенное активирование и закладка до 1917 г. через два года 3-х судов вместо двух) и новелла была объявлена в тронной речи 7/II—1912 г. На следующий день в Берлин прибыл Хольдэн.

4 часть. Хольдэн. Предварительная история его приглашения мне неизвестна. После Агадира Англия решила, что мы уступим, в чем их еще больше убедило приглашение прислать доверенное лицо. Англичане знали нежелание Бетмана вносить новеллу. 4 февраля кайзер частным путем уведомил Foreign office [1]), что Германия отказалась бы от новеллы, если бы получила реальные доказательства дружественной ориентации английской политики. Он предложил, чтобы оба государства обязались не вступать в соглашения и договоры,

[1]) Английское Министерство Иностранных Дел. *Ред.*

направленные взаимно друг против друга. Для переговоров с Хольдэном кайзером были даны такие директивы: 1) сначала не уступать новеллы, 2) Англия должна объявить, какую программу она будет выполнять а) при новелле и б) без нее, при тогдашнем законе о флоте, 3) условия англо-германского союзного договора о нейтралитете, на основании которого новеллу можно было бы замедлить, 4) требование, чтобы Англия отказалась от отношения 2:1 и приняла приемлемое для нас. Кайзер приказал выяснить, приехал ли Хольдэн уполномоченным или для частных разговоров. В первом случае канцлер мог с ним говорить от имени кайзера, во втором—от себя. О полутора часовом разговоре канцлера с Хольдэном я ничего не знал, но насколько слышал из английских источников, канцлер выражал согласие замедлить новеллу и упомянул о нейтралитете. Хольдэн увильнул от них, настойчиво подчеркивал обязательства Англии к Франции и России, ее военные обязательства к Франции и Бельгии и предупреждал, что на новеллу Англия ответит соотношением 2:1. О нейтралитете избегал говорить, а говорил лишь о «непровоцированных нападениях» при условии отпада новеллы и оставления Бетмана канцлером. 9 февраля Хольдэн был принят кайзером в моем присутствии и начал с того, что рисовал кайзеру картину обширных колониальных владений в Африке, часть которых Англии никогда и не принадлежала (Франции и Бельгии). Игра была слишком ясна и расчитана на богатое воображение кайзера. Англия оставляла себе за это железную дорогу Каир-Капштадт. Мне вспомнилось выражение одного американца, что если посадить для переговоров английских и германских государственных людей, то он удивился бы, если бы в конце разговоров Германия сохранила за собой Потсдам. На предложение 1:2 со стороны Хольдэна я предложил 2:3, что в свое время предлагал Ллойд-Джордж и потом Черчилль. Хольдэн отклонил. В разговоре о замедлении новеллы я согласился на отказ от одного корабля. Если бы Англия пошла на нейтралитет, я согласился бы отказаться от всей новеллы, о чем предупредил кайзера. Получив в подарок один корабль, Хольдэн осторожно спросил, зачем нам собственно нужно выполнение всего закона о флоте. Тут вмешался кайзер и Хольдэн больше об этом не говорил. Я понял настоящую цель его приезда: не пустяк о новелле из трех судов, а надежда сократить самый закон. Всякого разговора о наших условиях Хольдэн избегал, договор о нейтралитете считал невозможным из за обязательств к Франции. Неудачу миссии Хольдэна канцлер

конечно свалил на меня. Переговоры продолжались еще некоторое время в Лондоне, но ни к чему не привели.

5 часть. В конце войны (в 1918 г.) некоторые органы печати и демократии обвиняли меня в провале миссии Хольдэна и шовинизме, но вышеизложенное ясно показывает, что Англия ничего не хотела уступать. Мы мирно продвинулись на четвертое место в ряду мировых государств и продолжали бы и дальше, именно при наличии флота, если бы «дипломатический кунстштюк первого класса» (в отрицательном смысле) по выражению одного из выдающихся наших государственных деятелей не толкнул нас в войну 1914 г.

6 часть. Маршал в Лондоне. После 1912 г. наступило некоторое улучшение в наших отношениях с Англией. После кратковременного пребывания в Лондоне Маршаля, знавшего дело и способного, в 1913 г. Англия приняла наше 10 : 16 и таким образом мы достигли фактически морского соглашения по судостроению, так как больше никаких добавлений к закону о флоте я делать не собирался. Когда кайзер в 1914 г. хотел строить 4 легких крейсера для заграничной службы, я протестовал против этого, и даже подавал в отставку. Также я был против посылки военной миссии в Копенгаген без моего ведома и вообще всего, что могло зря испортить налаживавшиеся отношения.

ГЛАВА XVI.

1 часть. Взгляд назад. Англия приучилась уже к мысли нашего могущества, она не могла бояться нашего нападения, опасность была лишь в 1916 г., когда Россия и Франция дойдут до пределов в вооружении. Опасность же к началу Европейского конфликта заключалась не в нашей воинственности, а любви наших государственных деятелей к полумерам и в неумении поддержать отношения с Россией.

2 часть. Германская политика в июле 1914 г. 5 июля австрийский посол передал кайзеру письмо австрийского императора вместе с составленной еще до убийства в Сараеве промеморией, в которой говорилось, что нити покушения идут в Белград и что австрийское правительство намерено потребовать от Сербии основательного удовлетворения и если оно не будет дано, то пошлет в Сербию войска. Я находился тогда в отпуску, куда мне сообщили об этом. Кайзер, руководимый чувством солидарности с союзником, дал свое согласие. На следующий день 6 июля, разговаривая после доклада

моего временного заместителя в саду Потсдамского дворца, кайзер высказал ему следующее: выступление России на поддержку Сербии он считал невероятным, так как царь не будет защищать цареубийц и кроме того Россия не готова в военном и финансовом отношениях. Франция будет удерживать Россию, в виду ее финансового положения и недостатка тяжелой артиллерии. Об Англии кайзер не упоминал, о возможности осложнений с этим государством тогда никто не думал. Таким образом кайзер не видел серьезных последствий, он надеялся, что Сербия сдаст, но на всякий случай велел принять меры. Он еще 5-го числа имел совещание с канцлером, военным министром, помощником Ягова Циммерманом и начальником военного кабинета Линкер. Было решено воздержаться от мер, могущих вызвать политические осложнения. После этого кайзер, по просьбе канцлера, уехал в свое норвежское путешествие. Конституционной обязанностью канцлера было обсудить согласие кайзера на австрийский шаг с точки зрения германских интересов и взять в свои руки его выполнение. Канцлер видимо вспомнил Боснийский кризис 1908/9 г. и дальше не шел. О политической деятельности кайзера во время путешествия в Норвегию я ничего не знаю, но имею основание предполагать, что он не замечал никаких серьезных причин, могущих нарушить Европейский мир. В такие времена кайзер любил вспоминать славу предков, но когда он считал положение серьезным, то становился обыкновенно очень осторожным. Если бы кайзер оставался в Берлине и обратил больше внимания на внешнюю политику, то наверно уже в середине июля нашел бы пути для устранения кризиса. Так как, кроме него, из Берлина в это время отсутствовали: военный министр, начальник генерального штаба, начальник морского генерального штаба и я, то все дело сделалось монополией канцлера, который даже письменно не требовал моих мнений. После опыта войны можно спросить, не было ли бы Германии более выгодно своевременно войти в соглашение с соседями о разделе Австрии, но раз этого сделано не было, то канцлер был прав, настаивая на том, что она должна была сохранить свой престиж после Сараевского убийства. Однако, сделанная в Вене и Берлине ошибка начинается с момента выполнения. Бетман и Берхтольд, несмотря на предупреждение гр. Тисса, не могли себе представить другой формы удовлетворения, кроме угрозы вторжения войсками в Сербию. Вышло, что Берлин с самого начала имел двойную цель: поддержать Австрию в скором и энергичном выступлении и «локализировать» конфликт.

В результате, несмотря на искреннее желание канцлера сохранить Европейский мир, начинается война и вся Европа убеждена, что виновата в ней Германия. Я постараюсь это объяснить психологически, основываясь на свойствах характера Бетмана. Как мне потом сделалось известным, министерство иностранных дел уже 11 июля узнало, что Антанта советовала Сербии уступить. Оно сделало отсюда близорукий вывод, что Антанта не хочет войны и что Австрия может послать войска в Сербию, не боясь вмешательства. Циммерман 8 числа говорил, что если Австрия займет Сербию, то Англия в согласии с нами и Францией нажмет на Россию для локализации конфликта. Канцлер и по сейчас не желает признавать сделанной тогда ошибки, но у меня имеются донесения моих помощников, ясно указывающие, что это было так. 13 июля канцлер уже знал о главных пунктах проекта австрийского ультиматума. Я узнал о нем от моего заместителя в письме, такие сведения: «наш посол в Вене узнал от Бертхольда, что австрийская нота Сербии будет заключать следующие требования: 1) прокламацию царя Петра к народу, запрещающую велико-сербскую агитацию, 2) участие австрийского чиновника в расследовании покушения и 3) увольнение и наказание всех офицеров и чиновников, участие которых будет доказано». Мое первое впечатление было, что эти условия для Сербии неприемлемы и легко могут вызвать европейскую войну. В возможность локализировать австро-сербскую войну и удержать Россию я не верил, как не верил и в невмешательство Англии или нейтралитет ее в европейской войне. В этом смысле я написал своему заместителю и рекомендовал сговориться с царем. Это осталось без последствий. Опасность положения я видел в том, что Англия была конечным звеном Антанты. Несмотря на нелюбовь русской интеллигенции к Германии, в особенности после нашей Балканской политики 1908/14 г.г., все-таки можно было нам и Австрии отвести русское распространение в другое русло. Только неумелость нашей политики дала русской военной партии превосходство и дало возможность Сухомлинову обмануть царя. Я еще перед ультиматумом был убежден, что доверительное и предварительное сношение с царем устранило бы конфликт, если же мы будем очень нажимать, то можно было сказать с уверенностью, что Англия воспользуется этим, чтобы сохранить «континентальное равновесие» войной. На эту опасность, вызова дремлющего в Англии желания войны я указывал принцу Генриху, бывшему у меня в Тороне в середине июля. Вопрос о моем возвращении в Берлин был решен тем, что канцлер

просил меня не приезжать, чтобы не вызывать толков. Еще 24 июля мне телефонировали в этом же духе. Из доходивших до меня сведений я выводил, что никто из держав не возьмет на себя ответственности за европейскую войну, к таким конфликтам с годами привыкаешь, и Бюлов всегда с ними справлялся. Обострение положения, после предъявления ультиматума и возвращение нашего флота, побудило меня 27 июля вернуться в Берлин, не спрашивая канцлера. Ультиматум передан Сербии 25 июля; сначала хотели это сделать 16, но Австрия решила подождать отъезда Пуанкарэ из России. В Берлине сожалели о такой отсрочке, считая, что ослабится связь между убийством и ультиматумом. И Вена и Берлин оба хотели сохранить европейский мир, но расходились между собой в способах, как наказать сербов, не вызывая общей войны. Берлин считал, что если уже занимать сербскую территорию (что на деле оказалось гораздо опаснее, чем инициаторы предполагали), то надо делать скорее, чтобы иметь залог при дальнейших переговорах. Однако, самую трудную психологическую загадку представляет собой берлинская политика после получения сербского ответа. Сербия приняла почти все главные требования ультиматума 25 июля, об остальных можно было сговориться. Во всяком случае, такой благоприятный ответ не был совершенно ожидаем и Вена проявила полное отсутствие глазомера, отказавшись вести дальнейшие переговоры на этом базисе. Бертхольд и Бетман не поняли значения достигнутой дипломатической победы. Они не поняли, что своим дальнейшим и, в сущности, бесполезным упорством они поддерживают русскую военную партию. Надежды на миролюбие Антанты, в особенности Англии, придали обоим усиленную надежду на локализацию и привели к более резкому тону по отношению к Сербии. Из боязни дождя, прыгнули в воду. Наша и без того неумелая дипломатия все играла на миролюбии и, искренно желая мира, пошла неправильным курсом. Хотя предложенный Греем «ареопаг» из Англии, Германии, Франции и Италии и оставлял Германию в меньшинстве, все же представлял почти единственное в тот момент средство достигнуть соглашения. Бетман отклонил, не желая «ставить Австрию перед судом остальных» и не желая вмешиваться в местный конфликт. Это была вторая крупная ошибка (первая—игра на миролюбии Антанты). Бетман был слишком чувствителен к чести Австрии, забывая, что играет жизнью Германии. Ягов 27 июля говорил французскому послу, что у него не было еще времени прочесть сербский ответ. Как объяснить такие ошибки в такое время? Объяснение отчасти

надо искать в свойстве канцлера, оказавшемся для него роковым и присущим многим немцам — непонимании действительности, оторванности от нее.

3 часть. Карточный домик. Бетман уже несколько лет строил карточный домик англо-германского сближения; он был построен не из действительности, а из дипломатических пожеланий. Еще 9 июля в министерстве иностранных дел господствовало убеждение, что если дело разгорится в европейскую войну, то Англия сейчас же примкнет к нашим врагам. Спокойное положение, занятое Форейн Офис, в ближайшие затем недели усыпило это мнение. В нашем генштабе также держались мнения о мирном настроении Англии. Когда после вручения ультиматума Грей заявил, что «положение очень серьезное», легко может произойти война 4-х великих держав, ученые из Вильгельмштрассе вынесли из этого, что 5-я держава, Англия, не собирается участвовать. Ягов, Штум и прочие поддерживали Бетмана в этом убеждении и затем склонили к нему же кайзера. Когда флот получил приказ возвратиться из Норвегии домой 25 июля, кайзер хотел все линейные корабли отправить в Балтику; министерство иностранных дел желало этого, чтобы не вызывать Англии и кайзер тогда же резко сказал начальнику флота открытого моря, что не позволяется иметь сомнений в мирном настроении Англии, поэтому все морские силы должны быть направлены против России. Только технические трудности убедили его отправить часть флота в Северное море. Английский кабинет несет большую ответственность за то что зная достоверно миролюбие Бетмана, не показал ясно своего настроения, если только не подозревать, что он уже с начала хотел войны и только пользовался трубой Бетмана для более выгодной для себя завязки. Грей мог бы устранить войну своевременно, в начале конфликта, сказавши Бетману о том положении, которое займет Англиия в случае, если конфликт разростется. Это тем более подозрительно, что в 1911 г., при менее тяжелых обстоятельствах, Л. Джордж не постеснялся с публичным грозным предостережением. В данном случае не было даже доверительного предупреждения, хотя Грей знал, что Бетман все сделает, чтобы избежать войны с Англией. Сможет ли история объяснить истинные намерения Англии в это время, для меня вопрос. В сущности Англия должна была воевать с нами, весь вопрос хотела ли она это именно в июле 1914 г.. Бетман же все надеялся на разрешение этого соревнования путем добрых намерений, а не интересов, он не хотел понять, что Англия, в своей политике нашего окружения, не могла допустить большого унижения

России перед Австрией и Сербией. Грубое и неумелое повторение нами Боснийского кризиса в 1908/9 г.г. поставило Англию перед выбором: или глушить великокняжескую политику, или же вступить в войну при особо благоприятных для нее обстоятельствах. Действительно мы им давали такие, лучше которых желать было трудно: Англия могла обвинить нас морально-зачинщиками войны, направить против нас подавляющие силы мира и, так как мы выходили зачинщиками, лишить нас наших же союзников, на основании наших же союзных договоров (о чем Бетман не подумал); наконец и стратегический момент был для Англии благоприятным, о чем Бетман не знал и у меня не справился. Хотя английский кабинет вступал в войну с задержкой, все же он поджег шнур, взорвавший патроны. Насколько наши дипломаты Бетмановской школы понимали военное положение, можно судить по тому, что 20 июля Ягов говорил одному из чинов морского генерального штаба, что в случае войны тройственного союза с двойственным Англия не выступит, но он имеет план как заставить Англию сохранить нейтралитет. Он намерен заявить ей, что мы займем Голландию, как только Англия выскажется против нас. Конечно, (прибавлял он) это только блеф. На следующий день адмирал сказал Ягову, что его «блеф» был бы лучшим средством втянуть Англию в войну против нас. Мы, моряки, привыкшие уважать дипломатов со времен Бисмарка, могли только руками разводить и говорить «как можно, что такие личности руководят судьбами Германии». Когда Бетман впоследствии убедился, что Англия серьезно будет воевать, он окончательно сдал.

4 часть. Предупредительная война. Благодаря неуклюжести Бетмановской политики сделалось также возможным обвинять нас в желании начать «предупредительную войну». С конца 1912 г. нам было известно, что в политике нашего окружения Сербии была предоставлена роль, когда наступит час, сыграть роль Балканского Пьемонта и начать деление Австрии. В 1913 г. Австрия предлагала потушить сербскую искру, пока она не очень разгорелась, но мы и Италия не согласились с этим. Кроме того нам были известны заявления России о ее готовности к выступлению в 1916 г. При этих обстоятельствах, в среде наших не вполне осведомленных и неответственных лиц, возникал вопрос: если война вообще неизбежна, то лучше начинать сейчас, чем потом. Правда, русские приготовления были серьезны и воинствующая в ней партия сильна, как показало то обстоя-

тельство, что она смогла использовать европейское замешательство 1914 г. для того, чтобы начать войну, но несмотря на это ни в каком случае нельзя было бы оправдать нашу предупредительную войну против России и вся наша последняя политика была проникнута искренним желанием как можно дольше сохранить мир, дававший нам такие преимущества. Рассказы о том, что Германия планомерно приготовлялась к этой войне—чистейший вымысел, лучше всего опровергаемый той неготовностью, которую мы показали при ее начале. Начальник генерального штаба фон Мольтке, бывший во время конфликта в Карлсбаде, говорил мне, что он совершенно не участвовал и не знал о ходе переговоров во время конфликта и никогда бы не посоветовал использовать его для пробы, желает ли Антанта войны или же не чувствует себя достаточно подготовленной к ней. Если бы канцлер исполнил свой долг и советовался бы с военными властями в такой момент, тоя бы ему сказал, что и с морской точки зрения стратегический момент не благоприятный: Кильский канал был неготов, наш флот достигал своей силы только в 1920 г., некоторая неопытность в командовании флотом со временем прошла бы. Я считал, что с 1916 г. уже можно было быть спокойным в смысле опасности нападения Англии. Канцлер коллегиальным обсуждением создавшегося положения разделил бы с прочими министрами ответственность. Я бы во всяком случае говорил против австрийского ультиматума. Вместо того было так поступлено, что ни перед кризисом, ни после него канцлер не советовался с военными властями ни о политическо-стратегических задачах ведения войны, ни о возможностях. Даже о наступлении через Бельгию, тесно связанном с морскими вопросами, я ничего не знал. Канцлер виноват, кроме того, в недостаточной подготовке к войне в смысле отпускаемых для этого средств, которые далеко у нас не были исчерпаны. Канцлер боялся «военных соревнований», думая этим сохранить мир, но если бы мы в мирное время действительно вооружились против России, то отбили бы этим у нее охоту на нас нацасть. Когда в начале июля кайзер приказал все-таки быть готовым к случайностям, канцлер и тут, из боязни огласки и из экономии, не желал нарушить бюджета и не сделал никаких запасов, которые были нам так нужны, мы даже продолжали вывозить зерно во Францию. Хотя мобилизационные планы отдельных отраслей управления страною и были разработаны и готовы, но общего плана, связывавшего бы их на случай мировой катастрофы, не было.

5 часть. Виновники войны. Коренная причина: политика нашего окружения Англией. Наша политика сделала фальшивые шаги не из желания войны, а из за неумелого способа ее избежания. Бетман и Ягов хотели упрочить Австрию дипломатическим приемом, но когда они увидели результат, они сами пришли в ужас. Наоборот, если взять доклад Сазонова царю в сентябре 1912 г., опубликованный «Правдой», из него ясно видно чего хотела Англия. Она поддерживала воинствующие партии в других странах Антанты. Если когда нибудь ее архивы откроются, раньше чем оттуда исчезнут все компрометирующие документы, то это станет ясным. Еще одним доказательством, что наше правительство не хотело войны, служить то, что оно с самого начала не верило в нашу конечную победу.

6 часть. Последние дни. Когда я 27 июля вернулся в Берлин, была еще малая надежда на улажение конфликта, но я это понял только потом. В то время мои коллеги по министерству и кайзер, возвратившийся в столицу против желания канцлера, имели ложное представление о положении. Ключь к нему был потерян в Вильгельмштрассе. 28 рано утром меня посетил, начальник морского кабинета и говорил с возмущением о последних своих впечатлениях о Бетмане. Он считал отставку Бетмана и замену Ягова Гинце неизбежными, но впрочем и он тогда ни понимал всего положения. Кайзер тотчас по возвращении проявил лихорадочную деятельность, чтобы сохранить мир. Канцлер не сумел держать его в ясном курсе происходящего и кайзеру было трудно освоиться с положением и найти исходную точку для действий. Он говорил: «я не знаю, чего хотят австрийцы, ведь сербы на все согласились, кроме мелочей. С 5 июля австрийцы ничего не говорят, к чему они ведут?» Это было сказано 29 июля во дворце в Потсдаме, куда кайзер пригласил военных начальников, чтобы ознакомить их со своими переговорами с канцлером, который к этому времени был совершенно подавлен. Мы не знали, чего Бетман хотел с начала, но видели только то положение, к которому он нас привел и о котором ему кайзер высказал свое мнение в самой резкой форме, прибавив, что не может всетаки его уволить, так как он (Бетман) пользуется доверием Европы. Кайзер в последний момент нам объявил, что канцлер, чтобы заручиться нейтралитетом Англии, предложил пожертвовать нашим флотом, что кайзер отклонил. Канцлер, вернувшись в Берлин, пригласил к себе вечером того же 29 июля английского посла и просил его

о нейтралитете, на что, как известно, последовал отрицательный ответ. Но мысль Бетмана пожертвовать нашим флотом отразилась и на всем нашем ведении войны. В тот же день приехал в Потсдам из Англии принц Генрих, привезший оттуда уверение короля Георга, что Англия в войне останется нейтральной. Я в этом усомнился, но кайзер сказал: «я имею слово короля, этого для меня достаточно». 31 июля рано утром я получил записку от кайзера с известием, что Англия и Австрия согласились на посредничество кайзера, но в тот же день из морского генерального штаба узнал, что наше министерство иностранных дел считает войну неизбежной; Ягов спрашивал, готовы ли мы атаковать английский флот. Противоречие выяснилось, когда я узнал о русской мобилизации (около полдня). В половине первого меня вызвал канцлер, которому уже было прислано приказание кайзера опубликовать «о военной опасности». Я прочел канцлеру полученную от кайзера записку, но он ответил, что кайзер путает одно с другим. Русская мобилизация это такой вызов, что если мы не хотим потерять наших преимуществ, то остается только ответить тем же. Это было и мое мнение. Кровавая ответственность за русскую мобилизацию не может быть оправдана даже никакими ошибками нашего правительства. Я все-таки советовал упомянуть в ультиматуме России о посредничестве, но он уже вне себя ответил, что это бесконечно повторялось и все-таки русская мобилизация последовала. Мне впоследствии часто приходило в голову, что кайзер мог своевременно послать доверенное лицо в Петербург, наиболее подходящий для этого человек—Гинце, правда, был в Мексике. Я думал, что царь поймет невыгоду взаимного истребления немцев и русских на пользу третьего. Впрочем может быть я преувеличивал значение царя и преуменьшал значение панславизма. 1 августа я узнал в союзном совете, что мы вслед за ультиматумом послали России объявление войны. Это было ошибкой, надо было предоставить сделать это России. Это, кроме морального впечатления, давало бы нам преимущества, так как наши договоры с Румынией и Италией были оборонительные. Когда я спросил канцлера, зачем понадобилось объявление войны России, он, страшно возбужденный, ответил, что это вызвано военными соображениями, так как наша армия должна тотчас же переходить границу. Это меня не убедило, но с ним в то время бесполезно было говорить, настолько он был возбужден и взволнован. Мольтке тогда же говорил мне, что он не собирается посылать войск через границу и что ему объявление войны было ненужно. После полдня

я был позван во дворец, где должны были быть подписаны приказания о мобилизации, но опоздал. В ночь с 1 на 2 августа повторился у канцлера спор о желательности нашего объявления войны Франции. Он считал, что мы должны это сделать немедленно, ввиду необходимости пройти через Бельгию. Я повторил, что в этом случае не вижу надобности посылать объявление войны пока не наступит момент нашего перехода французской границы. Я сослался на донесения нашего посла в Лондоне, по которым наш проход через Бельгию вызовет немедленное участие в войне Англии, и спросил, нельзя ли избежать прохождения через Бельгию. Мольтке ответил, что другого пути нет. Тогда я сказал, что надо немедленно готовить флот к войне с Англией и что каждый день мобилизации выигрыш для флота, а потому надо возможно дольше задержать извещение Бельгии. Мне сказали, что я могу ждать до второго дня мобилизации, но это исполнено не было. О том, что Бетман еще 29 июля ознакомил английского посла, а значит всю Антанту и Бельгию об этом плане, мне тогда еще не было известно. Впечатление о растерянности нашего политического управления росло. После русской мобилизации канцлер производил впечатление утопающего. Пока наши дипломаты решали вопрос глубокомысленно, находимся ли мы уже в войне с Россией, вдруг вспомнили, что забыли спросить Австрию, будет ли она воевать с нами против России. Забыли мы предупредить и Италию. Задержка в объявлении Австрией войны России причинила нам много горьких минут. Еще 5 августа я настаивал в министерстве иностранных дел на скорейшем выяснении, ввиду нахождения судов в Средиземном море. Мольтке говорил мне, что если австрийцы не выступят, то мы должны будем заключить мир на любых условиях. Меня заботило, что наш генеральный штаб видимо не понимал значения войны с Англией и только настаивал на скорейшем наступлении на Францию, расчитывая на краткость войны. На кайзера страшно подействовала неудача его попыток сохранить мир, он за эти дни сильно переменился. Возбужденные разговоры между канцлером и Мольтке продолжались в моем присутствии у кайзера 2 августа. Мольтке говорил, что ему совершенно не нужно объявление войны Франции, война фактически началась и ее задержать невозможно. Я тоже указывал на выгодность для нас задержать объявление до тех пор, пока армия не подойдет к границе. Канцлер отвечал, что без этого он не может обратиться к Бельгии. Наши генштабисты за последние годы составили мнение, что французы и англичане не будут наступать на нас через Бельгию, на самом

деле, французы начали наступление в Лотарингии, как это всегда предсказывал Шлиффен. Наше наступление через Бельгию канцлером не было политически подготовлено и теперь надо было быть очень осторожным, чтобы показать всем, что мы находимся в положении политической обороны. После ухода канцлера из заседания, Мольтке жаловался кайзеру на невозможное политическое руководство и подготовку и на то, что даже теперь, когда военная машина начала работать, ни о чем не думают кроме «нот». Я тоже сказал кайзеру, что, по моему мнению, многие последние годы работы министерства иностранных дел вообще не существовало, но что я не считал себя в праве в это дело вмешиваться, теперь же серьезность положения заставляет меня перейти мои служебные границы. «Канцлер мой начальник, я не берусь его судить, но вызовите, В. В., Гинце для замены им Ягова». Гинце действительно был вызван, ему удалось даже пробраться в главную квартиру, но затем, по настоянию мин. иностранных дел, отправлен в Китай.

7 часть. Участие флота. 6 августа был у меня Ягов с просьбой, чтобы морское министерство не сообщало кайзеру никаких политических известий. Я сохранил за собой право на некоторые исключения, ввиду несостоятельности наших дипломатических органов. На мой вопрос, что мы будем делать, если мы победим Францию и Россию, но не Англию, Ягов пожал только плечами. Наши точки зрения лучше всего выяснились когда я спросил: «Разве вы не могли предложить России свободный проход через Дарданеллы и прочее, чтобы удержать ее от войны» Ответ был: «если бы вы нам дали небольшое морское соглашение с Англией, война была бы ненужна». Ответ показывает еще раз, что не только некоторые политические круги и часть общественного мнения в Германии считали меня виновником войны, но что и наши дипломаты держались того же мнения, не понимая значения флота и истинных намерений Англии. Теперь Англия добилась своего.

ГЛАВА XVII.

Часть 1. Начало войны. Англия расчитывала победить нас русским валом, одновременно сдерживая нас французскими и бельгийскими войсками, и прекратить войну в тот момент, когда русская победа была бы слишком великой и для Англии опасной. Она думала, что неучастие Италии в войне не даст нам во время решающих недель преимущества

на западе. Эти планы были разрушены налаженностью нашего военного аппарата, быстротой, с какой мы прошли через Бельгию и тем, что на восточном фронте нашлись настоящие военные руководители. План Шлиффена обхода через Бельгию, был видимо задуман хорошо, но требовал хороших исполнителей и достаточных сил для обходов. В главной квартире осенью 1914 года держались мнения, что война против Франции была бы выиграна, если бы на лицо были те два корпуса, которые наш генеральный штаб не провел в бюджете 1911/12 гг. К этому прибавилось непринятие в расчет английской армии, на которую смотрели пренебрежительно. Когда я после начала войны предупреждал начальника генерального штаба, что английские войска хороши и состоят почти сплошь из сержантов, он ответил: «мы их арестуем». При этом он конечно не предполагал, что в самое критическое время ему придется брать два корпуса для восточного фронта как раз с правого фланга. Еще поздней осенью 1914 г. в главной квартире скептически относились к Китчнеровским армиям. Мне тогда казалось наиболее важным достигнуть Калэ, отрезав англичан от берега и затруднив им этим подвоз. Я тщетно старался убедить в этом Мольтке; фон дер Гольц, бывший одинакового со мной мнения, тоже не мог ничего сделать. На решения Фалькенхейма я не мог получить никакого влияния. Занятие Калэ было у меня частью общего плана дать Англии морской бой в выгодных для нас условиях. Уже после войны английская критика (Хольдэн) считала нашей ошибкой, что мы 3-го августа не атаковали подлодками и миноносцами английских транспортов. По моему это было бы правильно, так как на это мы могли бы вызвать в бой главные силы английского флота. Мольтке был очень плохого здоровья, не мог справиться физически, и в эти дни, общего управления вооруженными силами не было. К нему я имел полное доверие. Его заместитель был гораздо менее подготовлен к тяжелой задаче после боя на Марне. С переходом на окопную войну положение наших противников ежедневно усиливалось, благодаря их морскому могуществу. Все наши победы на суше пропадали благодаря крайне невыгодному нашему общему положению. Мы не могли себя спасти, ощетинившись на всех сухопутных фронтах, ибо наши жизненные нервы тянулись через моря. Сухопутная война должна была подчиниться общей цели. Главное командование, после взятия Марны не сумело найти главной цели. Гинденбургу и Людендорфу, которые в 1915 году стремились к уничтожению русских армий окружением Ковно и не были согласны с фронтальной атакой Горлица не было

позволено исполнить их план. Если бы им это удалось, то их значение превысило бы значение главной квартиры. Война требует определенной политической цели, к которой стремятся все политические и военные силы, и ее решает главный противник; частичные успехи остальных противников могут служить лишь средством к цели. Нашей целью должно было быть: поражение вражеской коалиции в сердце. Верно найти этого главного противника—было для нас вопрос жизни и смерти. Этим противником мог быть только тот, кто обладал наибольшей волей к победе. Политическим мозгом Антанты всегда был Лондон, поэтому мы должны были все наши победы над русскими рассматривать как второстепенные, направленные к тому, чтобы освободить наши силы для борьбы с Англией путем заключения скорого сепаратного мира с царем. Никакое разделение России, на которое расчитывали наша дипломатия и демократия, не помогало нам, если мы не поражали главного противника.

Часть 2. Вопрос о главном противнике. Справедливо народная мудрость приписывает главную заслугу в успешных для нас войнах не военным, а государственному политику Бисмарку. Пока Германия была сильна, мы имели достаточно сил чтобы выйти с честью из войны с Англией. Армия, для которой Англия не была противником, преуменьшала ее значение. Я считался пессимистом и про меня говорили в главной квартире: «во всей главной квартире нет офицера, который бы не считал, что война кончится до 1 апреля 1915 г. кроме морского ст. секретаря». Сухопутная точка зрения армии не была бы опасна, еслибы ее не разделял канцлер. Если бы этого не было, то и армия вероятно своевременно поняла бы значение английских сообщений, что повлекло бы те удары против нее, о которых речь будет впереди. Еще 19 августа я говорил канцлеру в присутствии Мольтке и Ягова: то что мы можем добиться в России не давит на Англию, а наоборот, облегчает ее положение. Обстоятельства заставили нас сражаться против фронта, не соответствующего нашим политическим интересам. Война решится тем, кто дольше выдержит—Англия, или Германия, а для этого нам надо захватить Кале и Булонь. Канцлер этого не хотел понять, он считал, что даже в случае благоприятных обстоятельств на западном фронте, мы должны на нем ограничиться и все силы обратить на восток. В то же время он говорил знакомому: «война с Англией—это скоропроходящая гроза, после нее отношения будут лучше, чем когда либо». Бетман считал, что нужно искать сближения с Англией и потому щадить ее в нашем

ведении войны. Сухопутная точка зрения армии, некоторая уступчивость кайзера и неясные политические представления широких масс дали Бетману возможность вновь заняться постройкой разрушенного карточного домика. Пресса получила указания не быть резкой по отношению к Англии и это повторялось ее представителям в министерстве иностранных дел. Я был в главной квартире, в особенности против дипломатов, в одиночестве. В таком положении я себя часто спрашивал: я ли ослеп, или же ослепли все остальные. Когда дальнейшее течение войны меня убедило, что я был прав, то я вспомнил ужасное значение слов «но мы ведь не мореходная нация». Чем дальше тянулась война, тем сильнее должно было сказаться «молчаливое давление» флота и блокада. При моих попытках убедить Бетмана я не мог извлечь из него ничего конкретного, но он не мог меня понять. Я никогда не мешал правительству в его попытках заключить мир или добиться хороших отношений с Англией, в чем меня многие упрекают, но никогда Англия нам ничего не предлагала, кроме немедленного вымирания, так же как никогда мне канцлер не говорил о конкретных, приемлемых для нас, предложениях Англии. Когда 4 сентября 1914 года все партии рейхстага, желая единодушно произвести хорошую демонстрацию против Англии, собирались внести дополнение к нашему морскому закону, канцлер помешал проэкту. Когда Англия в ноябре, что-бы запереть вход в Канал, объявила район Северного моря «опасным», забросав его минами, когда я, в ответ на такое крупное нарушение международного права, составил резкую форму протеста, я не мог уговорить Ягова ее принять и он выработал с морским генеральным штабом другую, гораздо более мягкую. Англичанам было приятно пребывание Бетмана у власти и бумаги на английской бирже сразу поднялись, когда узнали об моей отставке. Человек, который уничтожил германский престиж и который своей дипломатией дал в руки нашим врагам опаснейший материал, считался способным склонить англичан к уступчивости. Самое плохое было то, что политика Бетмана носилась с иллюзиями о победах на восточном фронте. Если считали Англию непобедимой, то надо было мириться сразу, а не после длиннейшей и тяжелой войны. Один из политиков Вильгельмштрассе излагал взгляды своего министерства в апреле 1916 г. так: «для нас, как для центральной державы Европы, главная задача победить на континенте и центростремительно притянуть к себе соседей (Польшу). Эта цель не должна быть скомпрометирована авантюрами (подводная война). Исходя из этого прочного поло-

жения на континенте, мы сможем постепенно и планомерно укреплять наше мировое положение и нашу внешнюю торговлю. То, что до сих пор сделано в этом направлении—дилетантство. Всякий ущерб Англии, конечно, желателен, но уничтожить мы ее не можем, поэтому мы должны сохранить столько сил и кредита, чтобы продолжать после войны успешную конкуренцию с Англией. Опасная и неиспользованная сила лежит в будущем на русской территории, а не в истощенном кошельке Англии. Я думаю, что возможное решение лежит в заключении мира за счет России и так как это случится за счет реакционной России, то это не отразится в общем на наших отношениях с возможными будущими русскими правительствами. Если мы будем сильны и в Европе образуем форпост против востока, то соглашение с Англией не будет трудно». В июле 1916 г. ст. секретарь Гельферих передал союзному совету записку, в которой рекомендовалось приблизительно то же самое, обосновываясь на противоположности русской и германской программы по отношению к Австрии, Балканам, Турции и т. п. р предлагая пожертвовать для этого флотом. Масса германского народа и большинство в окопах имело более здоровые взгляды, но только они не имели влияния. Моя точка зрения была: если мы считаем Англию непобедимой, то чем скорее мы признаем себя побежденными, тем лучше, или же мы должны путем сосредоточения всех сил и средств, как военных, так и политических, стараться ее потрясти. В последнем случае все побочное и все колебания надо было отбросить, как вредные. Отсюда логически вытекали мои столкновения с остальными представителями власти в вопросах о занятии берега Канала, морского боя и подводной войны.

Часть 3. Наше оружие против Англии. Только после начала войны мне пришлось узнать, что державшийся до сих пор от меня в секрете, оперативный план флота не был сговорен и согласован с планом армия. Армия исходила из понятной для нее идеи, что морская война и вообще война с Англией вещь второстепенная. По этому справедливее всего было бы своевременно согласовать планы войны на три фронта или европейской в особом совещании под председательством канцлера, но этого сделано не было. Только авторитетное верховное руководство морскими силами уже во время войны могло бы исправить ошибку, но такого центрального управления создано не было. Из трех возможностей давить на Англию сначала скажу о береге Канала. В конце августа можно было думать, что операции наших армий приведут нас к берегу Фландрии. Это значительно улучшило бы наше морское страте-

тическое положение и облегчило бы управление морскими операциями из Антверпена. Я, в качестве морского ст. секретаря, мог бы практически помочь этому делу образованием морских отрядов и созданием береговых укреплений берегов Фландрии. Пока армия надеялась взять Париж, я считал, что Калэ и дальнейшее сами собой попадут в наши руки. Я оставляю открытым вопрос, не было ли бы справедливее поставить занятие берега самостоятельной целью. Наша артиллерия, установленная на мысе Гри-нэ могла бы значительно затруднить судоходство в Канале, наши морские силы могли бы оттуда действовать гораздо действительнее против Темзы, тем более, что они в начале войны были в полном порядке. С того же мыса можно было бы после изобретения в 1918 году пушки с небывалой дальнобойностью, обстреливать Лондон. Я всегда был против обстрела незащищенных пунктов, но после нарушения англичанами всех норм международного права я бы стоял за одновременное бомбардирование Лондона всеми средствами с суши и с воздуха. Вторым средством был морской бой. Антанта победила нас английскими линейными кораблями, сделавшими возможным голодную блокаду, престиж которых впрег все остальные народы в английскую колесницу. Линейные же корабли в первую очередь могли бы нас спасти. Как уже я говорил, канцлер считал, что не надо очень нажимать на Англию, кроме того он считал, что флот надо сохранить по возможности целым к заключению мира. Второго довода я так же никогда не мог понять, как и первого. Балин также писал мне и начальнику кабинета, что мы должны ограничиться состоянием «флит ин биинг», якобы единственно для нас подходящего. К его мнению присоединился начальник кабинета, сильно утерявший связь с флотом и превратившийся в компромисного политика. Под его и канцлера влиянием находился и адмирал Поль, который мне писал в ноябре 1915 г., что «канцлер, в бытность его (Поля) начальником морского генерального штаба, неоднократно высказывал желательность сохранить флот в неприкосновенности к заключению мира». По моему упаковыванье флота в вату было жестоким заблуждением. «Флит ин биинг» имел смысл для Англии, так как этим она достигала своей цели и владения морем, для Германии же, желавшей иметь море свободным для себя, это было бессмыслицей. Кроме того, мы не должны были позволять войне затягиваться и должны были стараться кончить дело как можно скорее. Наше же настроение характеризуется сказанным одним из ближайших приближенных кайзера после боя при Скагераке «Жалко, мы были

близки к тому, чтобы получить от Англии мир». Германское правительство не думало о том, как бы выиграть войну, предоставив эту заботу генеральному штабу, который в свою очередь не был достаточно компетентен в политических, экономических и морских вопросах всемирной войны. Тем, кто сомневается в том, как мог бы нам помочь морской бой, раз у Англии были резервы, оставался французский флот и др., я могу сказать, что мировое значение Англии держалось главным образом на престиже, а не на действительной боеспособности ее флота. Кто следил за результатом морского поражения англичан при Коронеле и видел, какое впечатление оно произвело на весь мир, тому понятно, почему англичане потом послали такие подкрепления, чтобы во что бы то ни стало загладить это впечатление. Имело ли бы для нас удачное морское сражение в 1914 г. следствием снятие блокады или нет, для нас в то время это не являлось решающим. Англия ведь рисковала результатами своего морского ослабления, которое бы отразилось на Японии. Все течение войны было бы для нас другое, если бы мы вначале получили превосходство на море. От этого зависели: отношение Италии и Скандинавских государств, не говоря уже про то, что увеличилось бы желание царя идти с нами на мир, и соглашение с Японией. Средства же, чтобы значительно ослабить английский флот, мы несомненно имели. Всякая большая дыра в английском флоте поднимала индийский, ирландский, египетский и пр. вопросы. В первые месяцы войны морской бой мог бы иметь неисчерпаемые последствия. Даже неудачный для нас морской бой не мог бы нам быть очень опасен: англичане, все-таки, потеряли бы столько же, сколько и мы. Худшего, чем полная неиспользованность, с нашим флотом не могло случиться. Мои противники не остановились даже перед тем, чтобы убедить кайзера в худшей материальной части нашего флота по сравнению с английским и это выставлялось одной из причин бездействия флота. Бой при Скагерраке положил конец этой клевете. Престиж (так и не проверенный на практике) английского флота помешал использовать наш и этим началось грустное зрелище «пропущенных оказий» по отношению к Англии. После выступления Италии и после невыполнения Гинденбургского плана на 1915 г. был пропущен случай сепаратного мира с Россией, оставалось только третье средство — подводная война. Им мы тоже не воспользовались — о чем отдельно. Я тогда покинул службу, так как ответственные наши руководители не понимали наших возможностей на море и не желали поступать сообразно серьезности нашего тогдашнего положе-

ния. Экономическая война сделалась тогда главной, война армиями, не смотря на все частичные успехи — отошла на второй план. Даже великие вожди, ставшие во главе армий в 1916 г. и поднявшие ее силу, увидели перед собой лишь ограниченные возможности. Наступил момент, когда как и в Семилетнюю войну, сепаратный мир с царем сделался для нас единственной возможностью, жизненным вопросом.

Часть 4. Возможность сепаратного мира с Россией. Осенью 1916 г. в разговорах с дружественно настроенными русскими, вместе с разными другими признаками, я увидел надежду на мир с Россией. Не будучи в курсе дела я конечно не мог с точностью сказать, на каких условиях это было бы возможно, но мне казалось вероятным нечто вроде следующего: разрешение сербского вопроса принятием нами 10 пунктов, принятых царем в 1914 г., о двух оставшихся можно было поручить решить третейскому суду. Это было бы достаточным успехом для России и не роняло, вместе с тем, престижа Австрии. Для стратегической обороны Восточной Пруссии мы предложили бы границу по Нареву, компенсировав Россию в В. Галиции, компенсировав в свою очередь Австрию в Ново-Базарском санджаке и в Албании. Мы устроили бы России право прохода ее военных судов через Дарданеллы и, если бы она с нами заключила договор — острова в Эгейском море. Багдадскую дорогу мы оставляем, или даем России долю участия в ней. Мы предоставляем России Персию и принимаем на себя ее долги Франции. Условия могли бы быть и более благоприятны, если бы Россия помогла нам добиться мира с Японией. Россия поняла бы, что мы не можем отнять для нее у турок Константинополь, но мы могли бы обязаться постепенно изменить нашу турецкую политику. Австрия должна была бы согласиться на такой мир и тогда должна была бы это сделать и Италия. Японии можно было бы предложить: вернуть Тцингтао Китаю, с оставлением за нами концессии, но без права его укреплять и с правом японцев быть там на одинаковых условиях с немцами. Мы уплатили бы им известную сумму на покрытие военных издержек и предложили бы договор такого свойства, по которому мы обязываемся поддерживать Японию, если на нее нападает, кроме внеевропейских держав, хотя бы одна европейская и наоборот — они бы нас поддерживали, если бы на нас напала кроме европейских, хотя бы одна внеевропейская держава. Таково приблизительно то, что мы могли бы сказать России и Японии. Надо было тогда же наладить личные переговоры с царем, послав подходящего человека с

письмом кайзера. Попытка к примирению, раздутая поссылкой неподходящего Макса Баденского, кончилась неудачей, тоже самое при попытке разговаривать через Датский двор, но главное, чего недоставало, это конечно прекращения, для успешности такого дела, Бетмановской политики. После самоубийственной политики Бетмана и демократии, создававшей Польское государство, вызвавшей новую враждебную для нас волну в России и за тем революцию в ней [1]), после запоздалой и дипломатически неумело веденной подводной войны, вызвавшей американское выступление — положение сделалось таково, что результат войны теперь зависел только от внутренних факторов, экономической войны, крепости нервов и патриотизма германского и английского народов.

5. Часть. Идеи войны. В Англии была ясная цель, у нас подняли шум о «внутренних целях», ослабляя единство. Направляло прессу Вильгельмштрассе, играя на полумерах и боясь дразнить врагов. Запрещение обсуждать гласно цели войны. Вера демократии в сносный мир. Лично я думал, что война не может кончиться ни с чьей стороны победой оружия, а победит тот, кто возьмет выдержкой и силой сопротивления.

6 часть. Внутренняя политика [1]). Отсутствие ясной политической цели войны в народе, нежелание правительства ее ему дать. Наше политическое руководство не сумело своевременно привлечь на нашу сторону выгодных союзников, оно же не дало нашему народу никаких идеалов и не открыло глаза на все ужасы поражения. Те, которые понимали, что в этой войне должна победить или Англия, или мы, что другого выхода нет, подвергались (при содействии нашего правительства) натравливанию на них масс. Бетман и его последователи, вместо того, чтобы направлять копия наружу, направляли их внутрь и производили в народе вредную рознь.

Те, которые думали, что хорошему для Германии миру мешают кайзер, военное сословие и наш империализм, теперь, после того, как им удалось все это уничтожить, увидели, какой мир им приготовляли враги. Во время же войны Шейдеману и К° правительством разрешалось распространять их утопичные идеи. Весь наш аннексионизм и империализм заключались в том, что мы не хотели дать Англии превратить нас

[1]) Читая всю статью, необходимо помнить о том, что переводчик высказал в своем предисловии о сугубо реакционных политических убеждениях Тирпитца и его положении среди воротил империалистской Германии. Тем более необходимо иметь в виду это предисловие при чтении 4, 5, 6, 7 и 8-й части настоящей главы *Ред.*

в полное ничтожество. Наша цѣль должна была бы быть: сохранение экономического благосостояния, сохранение устья Рейна и наших ганзейских городов от опасности превратиться в английские агентуры и вообще нашего народа от той петли, которой его душила Англия. Мир, который оставлял бы англичан на Маасе и Шельде, не давал нам гарантии развития в будущем, а потому к этому надо стремиться до конца и уступать лишь в самом крайнем случае. Только в этом (в образовании самостоятельной Фландрии) в сущности и заключались мои аннексионистские замыслы. Я был с самого начала войны совершенно уверен, что за неудачной для нас войной последует революция. Но не только я один, видя обстоятельства, мрачно смотрел кругом, кронпринц спрашивал меня еще в 1915 г., думаю ли я, что он будет когда-нибудь царствовать. К нашим материальным недочетам мы прибавили и моральные, когда мы в последний год войны, противупоставили таким диктаторам, как Вильсон, Л. Джордж и Клемансо—старого и усталого человека Хертлинга и допустили, наконец, разделить власть между разрушительными партийными вождями.

7 часть. Отечественная партия. Непонимание и хронические ошибки нашего правительства и демократии в отношении достижения мира нашли опасное выражение в «мирной резолюции» июля 1917 г. Мне стало сразу ясно, что после этого достижение мира для нас затруднилось, т. к. противники поймут это как слабость. Видя такое настроение и считая, что мира можно достигнуть только поддерживанием в народе бодрости духа и воли, некоторые лица, преимущественно из Восточной Пруссии с Каппом во главе образовали «отечественную партию». Конечно, и на нее сейчас же обрушились со всех сторон, называя ее «реакционной» и упрекая в аннексионизме. Правительство, вместо того, чтобы использовать этот готовый для него аппарат, допустило и само способствовало его дискретированию, как будто стоило нам только захотеть, чтобы и так получить приемлимый мир. Отечественная партия своей цели не достигла и не могла достигнуть, когда ей кроме обвинения—«мешает заключению мира»—был противупоставлен весь могущественный аппарат прусской административной машины.

8 часть. Развал. Когда в октябре 1918 г. взявшие власть демократы грозили повторить ужасную ошибку, небывалую со времен Карфагена, отдать себя на милость победителей, я написал письмо тогдашнему канцлеру Максу Баденскому: «наш политический курс к Англии и Америке, до

войны и в особенности во время ее, я считаю в корне неправильным, так как мы исходим при этом из рассуждений, делаемых нами, но не ими. В этом я вижу одну из главных причин войны и теперешнего нашего положения. Цель англо-американцев уничтожение Германии для дальнейшего господства их капитализма. Мы должны этому противупоставить выдержку и силу, чтобы показать, что их затея не выгодна; только этим путем можем мы расчитывать чего нибудь добиться. Часто повторяемые с нашей стороны гласные предложения мира были ошибками с нашей стороны и не могли привести к его достижению. Вильсон повышал после каждого из них свои требования. Ответ Вильсона на наши предложения мира и перемирия ясно показывает, что нас хотят сначала сделать совершенно беззащитными, чтобы потом диктовать любые условия. Нам остается только обратиться с воззванием к народу и призвать его к последнему напряжению сил. Войска не могут держаться, когда они видят, что страна готова все отдать. Немедленное пополнение нашего западнаго фронта, сформирование гражданских баталионов для поддержания порядка в стране, беспощадное продолжение подводной войны, которая действовала на врагов значительно сильнее, чем у нас это принято думать—вот средства, к которым надо немедленно прибегнуть; кроме того надо влиять на психику солдат, необходимо установление одинаковых норм довольствия для офицеров и солдат и широкое оповещение народа чрез правительственный аппарат о том, о чем практически идет дело. Чтобы пойти по этому пути, нужна диктаторская власть, к чему уже давно прибегли наши противники. Совершенно безразлично при этом, какое внутренне-политическое направление эта власть примет; она должна все усилия направить только на внешних врагов. Таковы мои взгляды, ничего общаго не имеющие с шовинизмом, аннексионизмом или моим непониманием потребности мира. Это единственное средство к спасению нашего народа от грозной опасности, может быть оно не удастся, но другого нет. Если вы хотите получить картину нашего морского положения, то рекомендую обратиться к начальнику штаба флота адмиралу Трота». Принц Макс это письмо получил и передал вице-канцлеру. 17 и 18 октября большинство правительства стояло еще за переговоры с оружием в руках. 19-го же группе Шейдемана, при участии гр. Вольф-Метерлинха, удалось перетянуть его на свою сторону. Требование Вильсоном разоружения для начала переговоров было принято и этим решено внешнее поражение Германии. Правительство Макса

Баденского начало действовать: подводная война была прекращена, капитуляция начата, приступлено к заключению перемирия на основании 14 пунктов Вильсона и Антанты и каждый иначе думающий держался в струне, хотя армия и флот могли бы без всякаго сомнения еще продержаться до весны 1919 г. и помочь достижению более приемлемых условий мира. 30-го октября, видя это, я написал еще одно письмо по тому же адресу уже в качестве председателя отечественной партии, взывая к тому, что нельзя делать такого политического отступления без соответствующего военнаго прикрытия. С этим письмом кончилось мое участие в политике.

Е. В.

„ВОСПОМИНАНИЯ“ ТИРПИТЦА [1]).

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатая в настоящей книжке продолжение выдержек из перевода „Воспоминаний Тирпитца“, начатых печатанием в книге № 6.-7 „Морского Сборника“, Редакция направляет всех читателей к полному тексту предисловия переводчика, помещенного в указанной книжке. Краткие выдержки из предисловия, характеризующие в самых общих чертах личность автора, приводятся в следующих чертах:

„Альфред фон-Тирпитц, гросс-адмарал германского флота и автор „Воспоминаний“, личность очень определенная и крупная. Он был германским морским министром с 1897 г. по март 1917 г. и следовательно стоял во главе морского ведомства в период наиболее интересной и деятельной истории...“

„Чтобы правильно судить выдержки, нужно иметь в виду, как личность автора „Воспоминаний“, так и обстоятельства, вызвавшие их опубликование.

Личность адмирала фон-Тирпитц, как она вырисовывается в его книге и по личным моим наблюдениям за период знакомства с ним 1911 по 1914 г.г., такова: типичный пруссак „старого времени“, с фундаментом, полученным от старого королевства, наложившим на него несомненную печать, и со всеми достоинствами и недостатками, присущими людям такой формации...“

„По своим убеждениям—монархист, консерватор, националист и империалист...“

ГЛАВА XVIII.

1 часть. Флот при начале войны. Я теперь стою перед самой тяжелой задачей, объяснить, почему наш флот, после того как политика не съумела предупредить войны, не съумел доставить нам приличного и справедливого мира, а наоборот, сам нашел позорный конец. Наша морская сила

к 1914 г. была довольно значительна, но все же не достаточна для осуществления «идеи риска» в ней заложенной. Против нее выступили 5 наиболее сильных морских держав, к которым в 1917 г. присоединилась и Америка. Несмотря на все это, я всетаки и сейчас еще держусь того мнения, что флот наш, будучи правильно использован, мог бы помочь достичь справедливого и почетного мира. Англичане, чем дольше продолжалась война, тем определеннее избегали столкновения с ним. Ни разу они не искали боя с нашим флотом. Он погиб сам от той болезни, которая погубила и остальную страну. Если во флоте она проявилась раньше, то это объясняется его связью с портами и заводами и их рабочими. Настроение во флоте в начале войны было превосходное, команды отказывались от денежного вознаграждения за рекордные погрузки угля. Флот знал, что имеет в Англии серьезного и можно сказать единственного противника, остальные: французы, русские, итальянцы — не считались.

2 часть. Действия флота. Флот и он один охранял все наше побережье от Мемеля да Эмса, на которое, за всю войну, не упал ни один снаряд. Он практически обладал Балтийским морем, сделал возможным доставку нам необходимой для нашей военной промышленности железной руды, охранял левый фланг нашей армии на востоке от высадок в тыл, предположенных англо-русской морской конвенцией в 1914 г. Флот же помог позднее перевозке фланга нашей армии морем. Наконец, при его взаимодействии с армией была произведена операция против Эзеля и Моонзунда, способствовавшая сломлению последнего сопротивления русских. Наш флот заставил англичан отказаться от тесной блокады и это дало возможность нашим северным соседям и Голландии остаться нейтральными, несмотря на давление англичан, и избавило Данию от судьбы, постигшей потом Грецию. Если бы наш флот был бы совершенно разбит, или вообще не существовал, то мы получили бы еще северный фронт, при наличии которого не смогли бы удержать восточного и западного. Наш флот заставил Англию увеличить число людей, занятых на море, в три раза и довести их число, по английскому же подсчету до $1^1/_2$ — 2 мил. людей, которые иначе были бы против нас на фронтах.

Если бы нам удалось достичь берега Канала, то значение флота еще возросло бы, но так как мы дошли всего до берегов Фландрии, то оттуда наше преимущество было не так велико, т. к. не представляло непосредственной угрозы Каналу.

Все же берег Фландрии дал возможность сократить расстояние до Англии в 4 раза и дал нам возможность оперировать малыми подлодками, постройка которых значительно скорее больших. Укрепление берегов Фландрии я решил взять в свои руки, армия с этим согласилась, но потребовала, чтобы они находились под армейским командованием. Я не противоречил, хотя знал, что это всегда ведет к ущербу чисто морским интересам. Кайзер дал мне для этого широкие полномочия. Наши миноносцы и подлодки, которые опирались на эту базу, к несчастью были немногочисленны, но у меня не было власти их усилить. Тем не менее они оставались там бельмом на глазу Англии до осени 1918 года. В первые месяцы войны восточная часть Средиземного моря сделалась временно значительным морским театром. Уже 3 августа получив известие о союзе с Турцией, я добился, вопреки сомнениям начальника морского генерального штаба, приказания *Гебену* и *Бреслау* пробиваться в Константинополь. 5 августа это приказание было отменено, так как наше посольство в Константинополе считало прибытие в то время судов неблагоприятным. Суда получили приказание идти в Полу или Атлантический океан. Между Австрией, Италией и нами существовало в мирное время соглашение (морское), по которому, в случае войны, все морские силы собирались в Мессинском проливе против двойственного союза. Командование общими силами, по предложению итальянцев, должен был принять австрийский адмирал Хаус. Кайзер был особенно горд нашей средиземно-морской эскадрой, я же сожалел об отсутствии *Гебена* в Северном море. Когда *Гебен* и *Бреслау* появились в Мессинском проливе, то там никого из союзников не оказалось и кроме того, Италия, ссылаясь на нейтралитет, потребовала быстрого удаления их оттуда. Оба выхода из Средиземного моря караулились неприятелем. Австрия еще не объявляла войны. Морское министерство начало торопить дипломатов для давления на Австрию, тем временем 5-го же вечером, пришло известие от нашего посла в Вене, что австрийский командующий флотом из за общего положения удаленности и степени готовности флота не в состоянии помочь. Картинка нашей военной готовности! После этого адмиралу Сушон было по телеграфу приказано действовать сообразно с обстоятельствами. Он тогда выбрал Константинополь.

Хотя я до войны всегда смотрел с недоверием на нашу турецкую политику, приводящую нас к натянутым отношениям с Россией, но теперь, когда война все равно произошла

надо было всячески поддерживать Турцию. Ее слабость все равно не позволила бы ей остаться нейтральной. Поэтому прибытие в Константинополь наших судов было полезно. Наш флот потом помог защищать Дарданеллы и этим закрыл южный морской путь России и заставил Англию уделять транспорты и силы для защиты Месопотамии и Египта. Англии не удалось пробиться через Дарданеллы, так как она не могла отделить для этого достаточного числа судов и рисковать ими, ввиду наличия в Северном море нашего флота. Выступление Японии лишило нашу крейсерскую эскадру баз и заставило крейсера пробиваться в отечество. На пути произошел бой у Коронеля. После него, ввиду недостатка у эскадры снарядов, я предложил уведомить по радио ее начальника, чтобы он шел на средину Атлантики, избегая восточных берегов Южной Америки и оттуда на север. Это показало бы графу Шпее, что от него не ожидают больше боевых действий и что его задачей теперь должно быть возвращение в Германию. Тогда престиж Коронеля сохранился бы за нами. Начальник генерального штаба со мной разошелся и считал, что графу Шпее ничего не надо указывать, что ему виднее на месте положение. Оказалось, что это было не так, Шпее не ожидал прибытия к англичанам таких подкреплений и погиб с судами в Фальклендском бою. Остальные малые крейсера, обреченные без баз на скорый конец, очень хорошо себя вели и надо сказать, что это дело было блестяще организовано нашим морским генеральным штабом. Командир *Карлсруэ* не заботился о получении приказания вернуться на родину и долго оперировал в Атлантике, пользуясь своей быстроходностью, пока не погиб от внутреннего взрыва. Хорошие результаты дали вспомогательные крейсера *Метеор*, *Грейф*, *Мёве*, *Зеедлер* и *Вольф*, проходившие в океан через английские воды. Особых результатов на исход войны эти крейсера конечно не могли иметь и все были обречены на гибель. Самое замечательное в них это то, что все они погибали не в открытом море, а после того как приходили в соприкосновение с берегом. Мне не известен ни один случай, когда бы части нашего флота не оказались на высоте и не проявляли высшей доблести и подготовки, если тем не менее флот в главном бездействовал и оказался обречен на бесславную гибель, то это объясняется теми препятствиями, которые делались флоту по политическим причинам во время войны и отсутствием единого ответственного командного органа флота.

3 часть. Оперативный план. Наши прежние оперативные планы 90-х годов всегда имели ввиду нейтралитет Англии. С тех пор как наши отношения к последней ухудшились, мне, в качестве морского ст. секретаря, уже не приходилось принимать законного участья в их разработке, но все же иногда говорил о них с начальниками морского генерального штаба. В 1908 г. в плане предусматривалось немедленное и полное использование всего флота для боя. В последние годы перед войной оперативный план флота держали и от меня в секрете. Тот план, на случай объявления Англией войны, который мне был показан начальником морского генерального штаба по приказанию кайзера 30 июля 1914 г., к моему удивлению, состоял из краткой директивы начальнику флота Северного моря, вести для начала «малую войну» до тех пор пока противник не будет настолько ослаблен, чтобы мы имели возможность пустить в дело главные наши силы. Если бы до этого времени представился хороший случай, то можно дать морской бой. За такую «малую войну» в то время высказывалась пресса и некоторые отставные морские офицеры. Забывали, что выполнимость такого плана зависит от желания противника предоставить нам такие благоприятные обстоятельства. «Малая война» была бы для нас возможна только если бы англичане, тотчас в начале войны, начали бы нас тесно блокировать (и это требует еще обсуждения), но все те данные, которые мы имели и в особенности характер английских морских маневров заставляли полагать, что блокада тесной не будет. Начальник морского генерального штаба переоценивал желание боя со стороны англичан и ожидал поэтому морского боя у Гельголанда, в благоприятных для нас условиях. Как я позднее узнал, составители плана в морском генеральном штабе исходили из того, что надо сначала выяснить стратегию англичан в первые недели войны и затем уже можно будет дать нашему флоту новые директивы; кроме того они считали, что готовность нескольких больших судов класса *Кайзер* и полная готовность нашей резервной эскадры сделают наше морское положение к октябрю более выгодным, чем в первые недели войны. О политических препятствиях для действий флота в Генморе никто тогда не думал. Эти рассуждения имели некоторые основания, но можно было опасаться, что директива, требующая для начала осторожности, скажется плохо и мы сможем пропустить хороший случай. Поэтому я возражал против плана, но добился только того, что начальник морского генерального штаба внес в него изменение, состоя-

щее в том, что как только представится удобный случай не «можно» давать бой, а «должно». Я думал этим дать достаточную свободу действий начальнику флота. За немедленный бой говорило то, что в то время довольно много английских сил было занято конвоированием транспортов через Канал что англичане не имели еще опыта в современном ведении морской войны и не испытали еще преимущества нашего личного состава и материальной части. Хорошим сюрпризом для них было бы тогда и качество наших новых бронебойно-фугасных снарядов, с которыми они потом познакомились при Коронеле и еще больше в бою крейсеров, 24 января 1915 г. За немедленный бой говорило наконец, настроение во флоте, не желавшем отставать от армии. Отрицательными сторонами немедленного боя была неготовность резервной эскадры и то, что начальник генерального штаба, поддавшись давлению министерства иностранных дел, при возвращении флота из Норвегии, часть его направил в Балтику (чтобы не поступать вызывающе по отношению к Англии). В результате судам в Киле пришлось пополнять уголь, ожидать очереди прохода через Канал, что конечно задержало готовность в Северном море. Канал в то время не был еще окончательно готов, суда часто задевали лопастями за дно, чего сразу не замечали и что сказывалось впоследствии уменьшением скорости и увеличенным расходом угля. Командующий флотом Ингеноль всеми этими задержками плюс директива усвоил себе чисто оборонительную точку зрения. Он ожидал англичан в Гельголандской бухте. Так наступило 28 августа, роковой день для нашего флота. В этот день, благодаря излишней осторожности командующего флотом и его нежелания рисковать флотом, мы потеряли *Кельн* и *Майнц*. После того, как я получил частным образом в главной квартире описание этого столкновения, я указал, что потери произошли оттого, что флот не вышел для боя. В ответ я получил, что мысль ожидать англичан у наших минных заграждений в Гельголандской бухте считается правильной, потеря же крейсеров приписывается их излишней смелости. Во флоте все были возмущены и на бортах судов находили анонимные надписи мелом на борту, выражавшие это чувство. В то время главной квартире было еще легко указать на проявленную в этом деле излишнюю осторожность в духе директивы. На самом деле случилось обратное. Кайзер не желал иметь подобных потерь и канцлер получил поэтому лишнее оружие, чтобы держать флот в бездействии. Результатом влияния кайзера было приказание,

отданное кайзером, после доклада начальника морского генерального штаба, на котором я как и всегда не присутствовал, еще более ограничивающее инициативу командующего флотом: «потери судов следует избегать, на выходы флота и вообще значительные операции надо предварительно получать разрешение кайзера». Когда я узнал об этом, то воспользовался первым же удобным случаем, чтобы словесно изложить кайзеру всю коренную неправильность такого закрепощения флота; успеха я не имел, результатом явилась увеличивающаяся с того дня и поддерживаемая моими противниками отчужденность от меня кайзера. Через несколько дней в Берлине распространился слух, что я из парламентских соображений толкаю флот в бой.

4 часть. Мои документы. Привожу некоторые письма, написанные мною тогда начальнику генерального штаба и имевшие целью побудить флот к бою. Чтобы добиться своего, мне пришлось пойти на уступки и например, признать мысль нагенмора и начальника морского кабинета о желательности для нас боя у Гельголанда. В то время в главной квартире носились с мыслью удвоить флот; против этой «музыки будущего» я все время боролся.

Люксембург, 16 сент. 1914 г.

В дополнение к нашему сегоднешнему разговору, представляю Вам следующее на усмотрение:

1. Отчет адмирала Ингеноль от 12 сентября укрепляет меня в прежде высказываемом мнении, что мы не достигнем «малой войной» уравнения сил.

2. Целью всех наших военных и административных действий за 20 лет был бой, в котором мы имеем относительно лучшие шансы, но принимая во внимание наше численное меньшинство, мы должны к нему стремиться в районе около 100 миль от Гельголанда.

3. Наибольшие наши шансы были в течении первых 2 — 3 недель после начала войны.

4. В дальнейшем они не улучшаются, а ухудшаются, т. е. английский флот получит большее приращение новыми судами, чем мы, и будет находиться в состоянии обучения.

5. Блестящий вначале дух нашего флота видя, что мы избегаем развязки, будет постепенно падать.

6. Все зависит от нашего доверия к флоту, английский флот в бою с нами потерпит более или менее такие же по-

тери, как и мы. Решить этот вопрос должен конечно человек, несущий за него ответственность, то есть командующий флотом. Он должен иметь доверие к самому себе и волю к победе. В мировой истории почти всегда менее многочисленные флоты били более многочисленные.

7. Пользу от сохранения нашего флота к заключению мира я не мог понять. Если мы, после такой страшной войны, как теперешняя, достигнем мира, без того, чтобы флот пострадал и понес потери, мы ничего на него не получим: все мало-мальски свободное будет отдаваться армии и большое усилие кайзера сделать Германию морской державой пропадет.

8. В ближайшее время, конечно, придется с боем подождать, пока Турция не начнет военных действий и пока не разрешится главный вопрос на западе.

9. Высылку наших трех почти единственных броненосных крейсеров без поддержки против неприятельской линии блокады к Линдеснесу я считаю неправильной потому, что тут риск слишком велик и не соответствует тем выгодам, для которых он производится.

Шарлевиль 1 октября 1914 г.

Посылаю В. Пр-ву следующие мои замечания на рапорт комфлота от 25 сент. 1914 г.

Я считаю, что фактическая опасность подлодок для военных судов раньше преуменьшалась, теперь же после успеха «U 9» — преувеличивается. Попадание с лодок очень трудно, если суда идут хорошей скоростью, меняя курсы, в данном случае, они или шли 10 уз. или же стояли с застопоренными машинами. Конечно, наш Гельголандский угол, благодаря дежурству там неприятельских подлодок, как оперативная база для наступления нашего флота, оказался менее подходящ, чем это могли предполагать по данным мирного времени. Еще менее для нас выгодна медленность выхода наших глубокосидящих судов из фарватеров рек, что тоже не было предусмотрено опытами мирного времени. Однако флот наш теперь находится в опасности: провести всю войну за своими заграждениями, в то время как вся страна борется за свое существование, или же для спасения чести—принять бой когда вероятность на успешность его будет чрезвычайно мала. Теперешнее влияние нашего флота (примерно 20 больших судов, около 25 до-дредноутов, 100 миноносцев и т. д.)

могло бы быть достигнуто и с гораздо меньшими силами, если бы мы решили ограничиться обороной и защитой Балтийского моря. Полный результат английского «флит ин бинг» сказывается в возрастающем давлении на нейтральных, полном уничтожении германской морской торговли, действительной и полной блокаде и постоянной доставке войск во Францию. Кроме того — изолирование нас от всех сношений и восстановление против нас всего мира. Поэтому английский флот является для Германии самым опасным врагом. Численному соотношению наших флотов совершенно не соответствует способ нашего сильного флота. Инициатива адмирала Ингеноль не должна быть ничем связана и ему должно быть предоставлено полное право поступать сообразно обстоятельствам и его суждению. Он должен быть освобожден от обязанности испрашивать разрешения, это стесняет инициативу, он один должен решать. Я считаю что наш флот значительнее, сильнее того употребления, которое из него делает верховное командование, в особенности это относится к нашим многочисленным миноносцам. Что английские плохо атакуют — доказывает дело 28 августа. По этим причинам я нахожу совершенно необходимым активные действия всего нашего флота.

22 сентября поход наших трех броненосных крейсеров был отставлен потому, что мы получили сведения о нахождении у Линдеснеса от 12 до 16 неприятельских судов. Разве нельзя было в этом случае выслать весь наш флот. Во первых не вероятно, чтобы он натолкнулся на весь неприятельский, так как тот вряд ли целиком предпринимает такие походы, но если даже допустить это, то мы всегда могли соответствующими мерами значительно оттянуть бой, хотя бы пустив менее быстроходные суда по тому же курсу в расстоянии 50 миль. Говорят, что при таких столкновениях, ведущих к боям, наши поврежденные суда погибнут на обратном пути. Но ведь еще вопрос, будут ли вообще поврежденные суда, не вероятнее ли считать — «пан или пропал». Разве в больших боях не топятся минными атаками все поврежденные суда еще до выяснения исхода боя? Наконец, не будут ли англичане в аналогичном положении? Теперь начинаются темные ночи и наши миноносцы, высоко обученные, наверно не пропустят случая. Говорят еще, что отступление нам может быть отрезано частями английского флота с южного берега, но разве расстояние от Линдеснеса до Гельголанда значительно больше, чем туда же от Англии? Разве, если инициатива будет в наших руках, английские

силы во всякий момент будут готовы выйти и им так легко будет найти своих и соединиться? У Хок Ван Голанд и окрестностях в будущем наверное не будет английских судов. Наконец, если бы нам пришлось отходить не к Гельголанду, а в Каттегат, то мы там дома, а англичане нет. Адм. Ингеноль требует открытия Бельтов: на такое требование датчане не согласятся, кроме того оно и не должно быть предъявлено Дании, хотя бы потому, что сейчас же сделается известным Англии. Отступление через Каттегат должно быть произведено в случае крайности и без этого. Впрочем в начале войны датчане дали нам понять, что они делят Бельт (Малый) на две части — на датскую, которую они заграждают и на нашу, о которой мы сами должны заботиться. Здесь дело идет, конечно, не об использовании Бельта для операций, а лишь на случай прохода поврежденных судов. Датчане нам из за этого войны не объявят, а Англия может потребовать для себя такого же права, что она сейчас не делает, так как это не соответствует ее интересам. Датчане ведь не имеют права на закрытие Бельтов. Англия за ними этого права тоже не признавала. Полезного для нас результата «малой войны» по имеемому опыту, ожидать нельзя, скорее можно ожидать обратного. Нет никаких оснований ограничивать инициативу командующего флотом, ее требует все наше военное положение. Операции и число сил для Балтийского моря надо согласовать с ним.

5 часть. Засыпание (замирание) флота. Я никогда не говорил, что бой надо давать при всяких обстоятельствах и во всякое время, я желал только, чтобы наш флот развил такую деятельность, которая заставила бы англичан выйти. История этой войны покажет, что таких благоприятных случаев было много. В начале войны еще не было так ясно, как потом, что английский флот выполнял свое назначение, стоя в Скапа Флау. Английское общественное мнение не простило бы флоту уклонение от боя. К этому прибавлялось выгодное для нас соотношение сил в первый год войны (число вступающих у нас в строй начинало падать с 1915 г., тогда как у англичан оно с осени 1915 г. увеличивалось). «Малая война» действовала деморализующе на личный состав, не говоря уже про безнадежное стояние больших кораблей при устранении всех удобств мирного времени, которое было выносимо в конце концов лишь для натур с рыбьей кровью и давало прекрасную пищу для критики и выползания панически настроенных людей. При таких обстоятельствах мы не нашли ничего лучшего как ослабить строгость

дисциплины и уменьшить наказания [1]). Даже после случаев проявления саботажа во флоте летом 1917 года, командование флота не могло убедить правительство предать суду берлинскую шайку за государственную измену. Я лично, с опытом службы за 51 год не мог тогда себе представить к чему это приведет осенью 1918 года. Когда в 1917 г. независимые нашли защиту правительства и рейхстага и продолжали свою деятельность, была положена печать на конец морского могущества Германии. Всюду, где морские силы находили себе применение в боевой обстановке, дух личного состава оставался на высоте, но, как показывает морская история, во все времена было трудно его поддерживать на больших кораблях, когда же они оказались в полном бездействии—то почва была совершенно подготовлена. Наша организация, обучение, взгляды и дух были направлены на решительность действий и наступление, так же как наша армия готовилась к маневренной войне. Бой был единственным нашим шансом. Англичане и без него достигали своей цели, и потому нам надо было их принудить к бою. Только тогда мы поступали бы правильно, когда действовали бы политически и стратегически наступательно. При разборе вероятности морского боя часто рассуждают слишком схематически: часто сравнивают лишь силы по спискам, кладут одинаковую часть на потери и забывают при этом, что тот, в чьих руках инициатива, может использовать выгодные для себя и невыгодные для противника моменты. Численное превосходство, конечно, остается, но когда оно не подавляющее, то в расчет входят: качество личного состава и матерьяльной части, качество и высота тактического обучения и качество вождя. Большинство морских побед одержано флотами менее многочисленными и в морской войне играет гораздо большую роль бой корабля с кораблем и число их играет меньшую роль чем «батальоны» в сухопутной. Одновременная стрельба с нескольких судов по одной цели, при современных огромных расстояниях, сомнительна, т. к. затрудняет корректирование и влечет большой расход боевых припасов и без того немногочисленных, пополнить которые во время боя невозможно. Наконец, все последние данные морской истории подтверждают опыт полученный

[1]) Редакция обращает внимание читателя на предисловие переводчика, в котором обрисованы политические взгляды Тирпитца — «монархист, консерватор, националист и империалист» и на необходимость иметь это в виду при чтении всех «воспоминаний». См. предисловие—стр. 47—50 и примеч. ред.—стр. 95 книжки № 6—7 «М. Сборн.». *Ред.*

еще в Нельсоновские времена, а именно: в каждом бою наступает кризис, характеризуемый тем, что как только одна из сторон достигла преимущества в действительности стрельбы, у другой она с этого момента верно и упорно падает до нуля. Все немногочисленные современные морские бои показали, что побежденный все теряет, победитель же имеет удивительно мало повреждений (С. Яго, Цусима, Коронель). При этих обстоятельствах менее многочисленный флот, имея отдельные суда лучше подготовленными к бою, не должен считать свое дело безнадежным. Дух преимущества отдельного корабля есть основа духа всего флота. Кто может предсказать как кончился бы бой у Скагерака если бы не наступила ночь. Надо хотя бы вспомнить, что при тех громадных расстояниях, на которых англичане начали бой и видимо предподагали его вести, их орудия выдерживали всего 70 выстрелов, после чего должна была наступить потеря меткости, тогда как наши могли выдержать значительно больше. Положение командующего флотом было до крайности тяжелое: он мог рисковать боем только при благоприятных обстоятельствах, но наше неблагоприятное стратегическое положение затрудняло это до чрезвычайности, тогда как мы из английских радио видели, что они прекрасно знали о каждом выходе наших сил уже из устья рек. На превосходство неприятеля в силе надо было расчитывать всегда, к тому же командующий флотом с своего места не мог судить об общей обстановке и о необходимости боя именно в данный момент, и не мог же судить о последствиях для нас поражения. По тому, как канцлер, начальник морского кабинета и начальник морского генерального штаба судили о политическом положении, они были противниками активной наступательной деятельности нашего флота против Англии. Они могли делать это еще ссылками на необходимость осторожности, требуемой с нашей стороны наличием русского флота в Балтике. Я не мог их убедить, что мы должны добиваться успеха сосредоточением сил против главного противника, или хотя бы, для достижения (временного) успеха над второстепенным. Все первое время войны значительные силы направлялись в Балтику, но вместе с тем недостаточные, чтобы дать решающий бой. Из побуждений, что «что то нужно делать» были предприняты разные операции, ведшие до входа в Финский залив, которые всегда оказывались ударами по воздуху, ослабляя вместе с тем наши главные силы в Северном море. Увлечение морскими операциями в Балтике шло (у противников действий против Англии)

так далеко, что во многих местах начали поговаривать о перенесении центра тяжести нашего флота в Балтику. Эта идея имела поддержку у начальника морского кабинета. Я считал, что такое время могло наступить лишь тогда, когда мы окончательно потеряем в Северном море всякую надежду принудить англичан к бою. Тогда мог бы быть применен старый план Штоша в том смысле, чтобы большим боем с Россией, в сотрудничестве с армией, заставить ее склониться к сепаратному миру, что побудило бы англичан поспешить к ней на помощь морскими силами. Я должен здесь упомянуть, что в начале войны мы заключили соглашение с Данией, по которому большой Бельт закрывался для всех воюющих и защита его поручалась Дании. Англия этого права датчан закрыт Бельт не признавала и конечно ей всегда было бы легко силой прорвать слабые датские заграждения. Это соглашение, на которое к несчастью согласился и я; было для нас стеснительно, т. к. не позволяло нам улучшить невыгодное стратегическое положени в Гельголандской бухте, путем использования Каттегата и Скагеррака. Насколько во флоте были недовольны бездеятельностью можно судить по тому, что кайзеру пришлось несколько раз в речах в сущности доказывать флоту, что управление им находится на верном пути. 7 сентября 1917 г. вышел приказ кайзера флоту с той же целью, в котором говорилось примерно следующее: «сохранять бодрость и быть готовым к исполнению долга при таких условиях, при которых может не быть совсем случая исполнить его в боевой обстановке. При очень сложных условиях этой войны офицеры должны понимать, что оценивать обстановку может только верховное командование, которое решает действовать ли флоту или выжидать». Приказ далее называет «грубой политической ошибкой» рисковать флотом при столь неблагоприятных условиях в Северном море. Запрещает офицерам критиковать результаты подводной войны и заканчивается так: «я требую законного подчинения моей воле, как верховного вождя, несущего тяжелую ответственность за будущность государства, от которого именно флот мог бы ожидать, что если бы была малейшая возможность, то он был бы брошен на неприятеля». В этом заключается трагическое положение кайзера: тот, кто посоветовал кайзеру такое употребление флота, очевидно не понял, что именно этот принцип разрушит созданный им флот. При каждом удобном случае я говорил и писал свое мнение, совершенно противоположное духу этого приказа начальнику морского генерального штаба. Передавать подобные документы

прямо кайзеру было совершенно бесполезно и этим я только дал бы ему право указать мне, что я выхожу из пределов своих служебных полномочий. Я все более и более оставался в одиночестве. Уже осенью 1914 г. хорошо расположенные ко мне личности из ближайшего антуража кайзера приходили ко мне лишь после наступления темноты, чтобы не быть замеченными. Чувствительность и ревность начальника морского генерального штаба не позволяли мне войти в прямые сношения с командующим флотом адмиралом Ингеноль, рыцарски настроенным и лично храбрым. Только впечатление, полученное мною 26 октября в Вильгельмсхафене от работ командования флотом заставило меня усумниться в виновности неиспользования флотом только главной квартиры. После разговора со мной Ингеноль выхлопотал себе разрешение кайзера на операцию к Ярмуту 3 ноября. Этот факт и полученное мною от него же письмо, в котором он выражал полную надежду на успешность действий флота, побудило меня попробовать выхлопотать ему несколько большую свободу действий. Лишь обстоятельства следующих операций 12 декабря и в особенности 24 января 1915 г. вызвали смену Ингеноля и назначение на его место Поля. Эта замена, перед которой начальник кабинета избег всякого разговора со мной, создало во флоте течение, стремившееся соединить все разрозненные отрасли управления флотом в одних руках.

6 часть. Недостаток высшего руководства. Если принять во внимание сложность ведения войны на море на раздельных театрах и наши ограниченные возможности в пополнении личного состава и материальной части, то ясно, что для лучшего руководства и использования требовалось единое управление. Как работавшие в мирное время раздельно разные отрасли сухопутного управления были объединены во время войны верховным командованием, также должен был получить единое управление и флот. Трагедия нашей морской войны заключается в том, что флот получил верховное морское командование лишь в сентябре 1918 г. По отношению к нашим политическим и сухопутным властям также требовалось единое авторитетное командование, чтобы благополучно провести войну против Англии. То, что кайзер оставил за собой верховное командование своим любимым детищем, не помогало делу, так как помимо массы других дел, он не мог брать на себя лично ответственности за отдачу боевых приказов и директив. Кабинет плохо сделал, посоветовав кайзеру сохранить за ним (т. е. за кабинетом) руководство «большим» флотом. Решение пустить в дело флот не могло

быть принято таким учреждением как кабинет, там искали к чему бы придраться и нашли наконец, что материальная часть плоха. Когда, после Скагеррака, это было блестяще опровергнуто, то было поздно. Вопрос кому именно надо было поручить власть: генеральному штабу, статс-секретарю или кабинету, в сущности был персональным вопросом. Это должно было быть лицо, пользующееся доверием и авторитетом во флоте. Если бы был выбран начальник ген. штаба, то он не должен был спешно импровизировать аппарат для решения организационных, политических, международных и экономических вопросов, как это произошло после войны, благодаря разделению властей; ему проще было использовать уже готовый для этих дел аппарат морского секретариата. Дуализм во время войны привел к созданию новых органов, неравноценных и неиспробованных, и к ревности и трениям между вновь созданными и старыми. Канцлер и министр иностранных дел по вопросам, в которых всегда до войны был компетентен секретариат, имевший в них опыт, начали обращаться к начальнику морского генерального штаба, который неумелым их решением ронял престиж флота. Хотя я многое понял лишь потом, но все таки такое разделение меня настолько беспокоило, что уже 29 июля 1914 г. я обратился к начальнику морского кабинета с просьбой доложить кайзеру о необходимости сосредоточить морской генеральный штаб и морское министерство в одних руках. Если бы начальник генерального штаба был бы подходящим лицом, то я предложил бы его, как и впоследствии, отчаявшись в другом решении, я предлагал в главной квартире адмиралу Поль в присутствии нескольких офицеров, встать всецело под его команду, при условии, чтобы он свои решения предварительно обсуждал со мной. Но для того, чтобы быть поставленным во главе всего флота, я кайзеру не мог рекомендовать Поля: он был хорошим моряком и прекрасным штурманом, хорошо командовал эскадрой, но выше этого не шел. Поэтому я 29 июля сказал начальнику кабинета, что при данных обстоятельствах единственным кандидатом являюсь я. После доклада начальник кабинета сказал мне, что кайзер на это не решился, но обещал, что по всем вопросам ведения морской войны начальник генерального штаба будет меня запрашивать и мои мнения будут сообщаться кайзеру. Приказ об этом печальном раздвоении вышел 30 июля, но остался только на бумаге. Настаивать, зная характер кайзера, было бесполезно, ведь и армия должна была ждать два года желаемого ею командования и намеки на это в 1914/15 гг

первого доверенного лица привели лишь к тому, что в дальнейшем ему такие намеки были затруднены. Что не один я так понимал положение, показывает хотя бы следующий отрывок из дневника адмирала Бахман:

«2 февраля 1915 г..... Начальник Кабинета сказал мне, что я предназначаюсь на должность нагенмора вместо адмирала Поль. Я просил если можно снять мою кандидатуру, так как считаю должность нагенмора в главной квартире за нелепость. Управление морской войной не может вестись из находящейся глубоко в стране главной квартиры и не должно зависеть в каждом случае от того, какое высочайшее решение последует. Оно должно быть объединено для всех театров лицом, стоящим в тесной связи со всеми морскими силами, которому должны быть даны широкие полномочия, дабы он в любой момент мог поступать самостоятельно. Кайзер должен сохранить лишь номинальное верховенство и ограничиться указанием самых общих руководящих идей для ведения войны. Я всегда думал, на основании наших мобилизационных планов, что с началом войны такое командование будет создано. Теперешнее многовластие: начальник флота открытого моря, начальник морских сил Балтийского моря, начальники морских частей на театрах и наконец начальник морского генерального штаба как руководитель, но без всякой командной власти..... должно быть как можно скорее устранено. На вопрос начальника кабинета, кто же по моему мог бы быть этим общим начальником? я ответил, что только гросс адмирал Тирпитц, человек который создал флот и имя которого неразрывно с ним связано; он пользуется во флоте и в стране нужным для этого авторитетом и личными данными. Адмирал Мюллер ответил, что Тирпитц 18 лет как не нес практической морской службы и потому не может руководить такими большими силами, какие теперь мобилизованы. Я возразил, что для практического командования имеются начальник флота и начальники эскадр и отрядов, некоторая же отсталость техническая может быть скомпенсирована подбором соответствующего штаба. Начальник кабинета заявил, что назначение Тирпитца верховным командующим невозможно: он подчинен, как статс-секретарь рейхсканцлеру и кроме того он настолько перессорился во время войны с теми, с которыми ему пришлось иметь дело, что при назначении его верховным командующим можно ожидать дальнейших конфликтов. Кроме того, доверие к нему личного состава флота поколеблено скверной материальной частью флота. После возражений с моей стороны и на это, адмирал Мюл-

лер сказал, что нельзя импровизировать такую организацию во время войны и что она должна была бы быть разработана еще в мирное время. Наконец он прервал разговор, заметив, что я уже предрешен на должность начальника генерального штаба».

Многие офицеры мне потом говорили, что и они предпринимали подобные же попытки, но безрезультатно. Начальник кабинета адмирал Мюллер был любезный человек, приобревший ясно придворную окраску и все больше и больше отходивший от флота, вместе с тем в нем были черты фанатика, он был пацифист, трезвенник и легко поддавался влиянию. Уговорить его было нетрудно, но он также быстро соглашался затем с другими. Громкие фразы Бетмана производили на него большое впечатление и он был преисполнен сознанием своего значения как лица «не могущее всего провести, но могущее все провалить». Он безусловно и искренне желал пользы дела, но было несчастьем, что два таких человека как Бетман и он сошлись. Кайзер не мог отделаться от влияния этих лиц на свои суждения, хотя они у него лично были гораздо вернее, чем у советчиков. Может быть он видел в Мюллере как раз хорошего посредника между мною и Бетманом, но этого то и не было, что было видно еще в мирное время, Мюллер всегда брал сторону Бетмана. До меня доходили такие выражения: «я не допущу между мной и моим флотом другого». Но думать, что кайзер может командовать флотом, могли только такие характеры, которые привыкли за каждым даже пустяковым решением бегать к кайзеру. Канцлер и начальник кабинета пользовались своим влиянием на Поля, чтобы возбуждать в нем ко мне ревность, может слабость Поля в этом отношении объяснялась отчасти его тяжелой болезнью, от которой он умер через год. Я оставался в главной квартире до тех пор, пока мог надеяться, что мое влияние на кайзера не совсем прошло. Теперь я думаю, что мне было бы полезнее оставаться в Берлине. От подробных доказательств вреда многовластия в управлении флотом, я здесь воздержусь.

7 часть. Бой при Скагераке. Принятое во флоте с удивлением назначение командующим флотом адмирала Поль, выдвинуло на место нагенмора адмирала Бахман, но тут знание людей начальником кабинета его обмануло, так как Бахман всецело держался моей точки зрения и значит вступил в конфликт с кабинетом и канцлером, кончившийся в сентябре 1915 г. заменой его адмиралом Хольцендорф. Бахману удалось добиться для командующего флотом полной

свободы, но Поль, крепко держась своей идеи войны в Балтике и ссылаясь на словесные директивы кайзера, ею не пользовался. Надо отдать справедливость, что к этому времени обстоятельства сделались для нас уже неблагоприятны: много новых английских судов вступило в строй и они держали против нас большие силы. Подводная война заняла первое место среди наших морских операций. Однако по моему и Бахмана мнению она была начата в 1915 году в неудачной форме: когда ее начинали со мной не советовались. Адмирал Шеер, сменивший в январе 1916 года заболевшего Поля, взял начальником штаба по моей рекомендации фон Трота и вступил с намерением оживить деятельность флота. Положение наше затруднялось в этом году грандиозными попытками англичан запереть наш угол от Боркума и до Ютландии цепью минных заграждений. Чтобы бороться с этим пришлось выработать план борьбы с ними особоприспособленными судами, имевшими назначение поддерживать свободные через заграждения проходы. Эта служба стоила нам порядочных жертв, но до конца войны исполняла свое назначение. Этими проходами флот пользовался при выходах в море и возвращениях. Уже одно это затрудняло операции против предшествовавших лет. При одном из таких выходов, первоначально предполагавшемся к берегам Англии, наши крейсера, шедшие значительно впереди флота, наткнулись на превосходящих их в числе англичан и тотчас вступили в бой. Уже через короткое время выяснилось превосходство наших судов. В начале против 6-ти англ. броненосных крейсеров было 5 наших. Дистанция в начале около 15.000 м. и вполне ясная погода. Через 18 мин. после начала боя *Индефатигабль* взлетел на воздух и еще через 20 м. ему последовал *Куин Мери*. В дальнейшем англичане получили значительные подкрепления в виде 5 новейших кораблей класса *Куин Елизабет*, которым нефтяное отопление позволило развить наибольшую скорость и быстро прибыть на место боя. Они начали поддерживать свои крейсера с большой дистанции. До того момента когда адмирал Битти, видя подход наших главных сил, повернул на Норд, сила нашей эскадры нисколько не была ослаблена. Наиболее пострадавший *Зейдлиц* получил три крупных попадания, из которых одно 38 см. Мина, которую этот крейсер получил позднее, тоже имела мало эффекта, так как противоминная переборка (продольная) хорошо выдержала. В последовавших фазах боя *Зейдлиц* мог два раза идти на сближение с противником, развивая полный ход, при чем

он получил еще 20 тяжелых попаданий. Несмотря на все это он дошел до гавани под собственными машинами, откуда его командир прислал мне от имени всех офицеров и матросов благодарственную телеграмму за великолепную постройку и материальную часть. Адмирал Шеер и его начальник штаба узнали из радио, что столкновение наших крейсеров должно привести к бою со всем «Гранд-Флитом». Их историческая заслуга в том, что они, зная превосходство англичан, полным ходом пошли на поддержку своих крейсеров. Когда наш флот смог открыть огонь по уходившим на Норд английским крейсерам и кораблям, то в бою смогли принять участие сначала лишь корабли типа *Кенш* под командой адмирала Бенке. Английский адмирал заворачивая постепенно на восток заставил наш авангард проделать то же самое. После того, как он некоторое время перед тем потопил подошедшие английские суда (лин. крейсер *Инвинсибль* и два брон. крейсера типа *Барриор*), в дыму вырисовались показавшиеся главные силы английского флота, тотчас открывшие огонь со всех судов. Тактическая позиция нашего флота была невыгодна; для того, чтобы занять более выгодную позицию, всем судам нашего флота надо было бы пройти под огнем неприятеля, кроме того по отношению к солнцу мы были также не в выгоде и наши артиллеристы могли разбирать положение неприятеля только по вспышкам его выстрелов. Адмирал Шеер вышел из этого невыгодного положения сначала одновременным поворотом на обратный курс, бросив на неприятеля в это тяжелое для него время две флотилии миноносцев, несколько отвлекших на себя огонь. После перестроения адмирал Шеер повернул с намерением идти на неприятеля, но наступившая ночь сделала правильный морской бой невозможным. Если бы англичане чувствовали свою победу или превосходство, то они постарались бы ночью сохранить с нами соприкосновение, так как в составе нашего флота была одна старая эскадра из судов до-дредноутского типа, связывавшая нас в скорости, и кроме того у англичан были корабли с особо большой скоростью. Адмирал Шеер и все на нашем флоте ожидали поэтому с уверенностью возобновления боя на утро. Адмирал хотел его принять по возможности вдали от минных заграждений и потому направился к Хорн-рифу. Когда рассвело, на горизонте ничего не было видно и только воздушный корабль донес, что с запада идет морская сила. Потом оказалось, что это были главные силы англичан, вскоре повернувшие на Норд. Ход событий ночью после боя представляется при-

мерно так: главные английские силы прошли видимо к югу от наших, за ними на большом расстоянии следовал их арьергард, состоявший из крейсеров и большого числа миноносцев. В образовавшееся между ними пространство вероятно и прошел, идя на юг, наш флот. Тут англичанам представился удобный случай атаковать по очереди наши корабли, шедшие в кильватер ночью. Атаки действительно произошли храбрые, но не очень умелые. Мы потеряли тут старый *Поммерн*, но зато несколько английских крейсеров и не менее 6 миноносцев было при этом уничтожено. Мне писал потом один из высших чинов штаба, что наши суда шли как через «иллюминованную аллею» горевших противников. Англичане конечно должны были знать, где они могут найти нас утром, но очевидно они не хотели нас найти. Флот вернулся после этого боя в приподнятом настроении, считая его успешным, так как англичанам удалось нанести все эти потери в сущности только нашими крейсерами и авангардом, ибо главным силам так и не пришлось развить боя.

Адмирал Шеер в 1916 г. несколько раз еще пытался найти английский флот, но тот не показывался, нам же итти к Скапа Флау или Дувру было конечно не выгодно, т. к. мы были слабее. Особенно примечателен поход нашего флота, доведший его до расстояния 30 миль от Сэндерланда, где он вошел в соприкосновение с англичанами. Но нашел шквал с пасмурностью и дождем, а когда он рассеялся, то англичан уже не было.

8 часть. Последняя фаза. С началом строго подводной войны с 1 февраля 1917 года закупориванье нас минными заграждениями делалось всё сильнее и сильнее, поддерживание выходных фарватеров все труднее; надо было все время посылать довольно значительные силы для прикрытия работавших тральщиков. Оставалось правда еще одно средство: прекратить подводную войну, собрать все подлодки и при их помощи попробовать дать бой, но такое прекращение подводной войны давало противникам большие преимущества. Кроме того, польза от подлодок, при больших эскадренных скоростях была бы сомнительна. Но когда мы, под давлением Вильсона в октябре 1918 г. отказались от последнего средства, сильно прижимавшего англичан и были поставлены перед лицом постыднейшего перемирия, адмирал Шеер решил всетаки прибегнуть к этому средству. Незадолго перед этим ему удалось, под давлением обстоятельств и с согласия Гинденбурга, убедить кайзера и начальника кабинета сосре-

доточить всю власть над всеми морскими силами в его руках. Большое количество подлодок, высланных на позицию могло бы уравновесить наш недостаток в линейных силах и могло бы прикрыть нас в случае отхода. Для удержания отступавших во Фландрии наших войск был составлен план: послать наши быстроходные суда для демонстрации в восточной части Канала, сосредоточив главные силы флота у голландского берега, на позиции, усиленной заграждениями и подлодками. Если бы план удался и нам удалось провести выгодно для нас бой, события могли бы еще пойти другим ходом, но помешало этому революционное движение, проникшее во флот. Германский флот, единственный вокруг которого могли собраться все желавшие сокрушить монопольное положение Англии и достичь равновесия на море, погиб. Теперь эта роль перешла к американскому флоту, но я не верю в их раздор с Англией,—это один и тот же капитализм.

ГЛАВА XIX.

1 часть. Происхождение запретной зоны. Чем больше Англия с начала войны уклонялась от морского боя и этим лишала нас возможности быстро разрешить дело и чем больше она пускала в ход средство «голодной блокады», перенося этим войну в область истощения, тем больше наш флот ставился перед необходимостью давить на врага тем же оружием; единственное средство для этого у нас было в применении подлодок против торгового флота противника. При этом с самого начала было ясно, что наше международное право, основанное еще чуть ли не на эпохе парусных флотов, для современных условий войны на море непригодно. Еще в американскую войну все блокадо-прорыватели топились без рассуждений, правда артиллерией, а не минами. Так-же как англичане говорили при своем объявлении «военной зоны», что это есть «на самом деле блокада, приспособленная к условиям современной войны и торговли», то же самое могли сказать и мы для нашей подводной блокады. Правда, нам приходилось брать некоторую поправку на настроение нейтральных, на которых давила Англия и, которые считали, что то, что может себе позволить она, не может себе позволить Германия. Наибольшие трудности надо было предвидеть со стороны Америки, в особенности когда она, с началом войны превратилась в арсенал для наших врагов. Мы уже имели случай убедиться из примеров нашей крейсерской войны, хотя здесь мы строго стояли на почве

существующего международного права, сколь пристрастно было отношение к нам Америки. Исходя из этих рассуждений, я еще в ноябре говорил с американским журналистом Виганд, которого спрашивал, как отнесется Америка к объявлению нами подводной блокады, раз она молчаливо смотрела на все нарушения англичанами международного права. Еще в начале ноября морские власти занялись разбором и подготовкой этого вопроса. 7 ноября 1914 г. начальник генерального штаба внес проект подводной блокады всех берегов Англии и Ирландии. Я заметил, что при новизне оружия нельзя рассматривать дела с точки зрения международного права и что начало блокады надо выбрать, сообразуясь с готовностью достаточного числа лодок. Я высказал, не лучше ли будет поручить объявление блокады адмиралу, командовавшему во Фландрии, чтобы не впутывать в это дело кайзера и правительство. Я закончил свой отзыв, что блокада всей Англии пахнет блёфом, не лучше ли ограничиться на первое время блокадой Темзы. Мне казалось правильнее начать с малого, чтобы потом судить как дело пойдет с военной и политической точек зрения. Мы бы постепенно приучили мир к этому новому способу ведения войны и не причинили бы Америке больших неприятностей, ибо ее главная торговля шла через Ливерпуль. Адмирал Поль со мной не согласился и 15 декабря показал мне свое послание к министру иностранных дел, в котором испрашивал одобрение начать подводную войну в конце января, при чем Канал и все прилегающие к Англии воды должны были быть объявлены «военной зоной». 16 декабря я ответил письменно следующее: «считаю такой запрос министерству иностранных дел преждевременным. Теперь уже в феврале нельзя от него требовать согласия на такое действие, когда обстановка (политическая) может быть другая. Но кроме того я имею возражения и против способа ведения этой войны, предложенного вами. Подводная война без объявления блокады, как вы предлагаете, затрагивает нейтральных гораздо более, чем правовая блокада, а потому политически более опасна. Опыт нам показал, что Германия должна быть, к сожалению, гораздо более осторожна к нейтральным, чем Англия. Ссылка на англичан, объявивших плавание в северной части Северного моря опасным, мне кажется не основательна: англичане объявили, что не они сделали его опасным своими минными заграждениями, а что, якобы, это наши мины и что нейтральные суда, при плавании там подвергнутся опасности быть принятыми за наши заградители и что с ними будут посту-

пать соответствующим образом. Я должен предоставить вам судить насколько можно обосновать проект частным разговором американского посла с председателем Бременской торговой палаты. Наконец я думаю, что наши власти, протестовавшие и против блокады, во имя права и морали, должны будут еще в большей степени протестовать против вашего проекта. На основании всего этого я продолжаю думать, что лучшее—это планомерная подготовка в пределах морского министерства, без огласки. Она должна производится как можно энергичнее и всеми средствами, что и делается в подведомственных мне учреждениях.» — Адмирал Поль со мной не согласился и им вместе с Криге (из министерства иностранных дел) был составлен проект объявления «опасной зоны», а не блокады. Затем я посоветовал Полю, раньше чем докладывать в окончательной форме канцлеру, получить письменное согласие на его проект от Фалькенхайна, чего сделано не было. 27 января 1915 г. меня вызвал канцлер, чтобы поговорить об этом проекте. Я ему сказал, что мы к такой форме, войны, как подводная, должны будем все равно прибегнуть, что же касается формы и обоснования, то я не достаточно юридически и политически осведомлен. Канцлер принципиально не высказывался против подводной войны, но заметил, что политическая обстановка не позволит ее применить ранее весны или лета 1915 г. Я заметил канцлеру, что при новизне оружия нельзя предсказать степени его действительности, но что эта мера произведет большое впечатление и значительно затруднит судоходство противников. После этого станет понятно, насколько я был удивлен, когда уже 4 февраля Поль представил кайзеру проект одобренный канцлером и министром иностранных дел — подводной войны и «опасной зоны» вокруг всей Англии. Если бы ограничились, как я предлагал блокадой Темзы для начала, то ее можно было бы сделать вполне действительной, то есть каждое судно, прорывающее ее рисковало бы потоплением или захватом. Нейтральным давалась возможность сноситься с остальными пунктами побережья и этим вначале были бы устранены инциденты. В Генморе были заняты разработкой такого плана, когда Поль 31 января, ссылаясь на канцлера, перевернул все дело. Ввиду распространения «опасной зоны» на все побережья, дело становилось менее действительным, неясным и чреватым недоразумениями. Какие причины способствовали такому повороту мне неизвестно, но в результате еще раз мои мнения не были приняты во внимание и подводная война на-

чата в момент и форме не обещавших успеха. Адмирал Бахман потом писал мне: «я высказывал свои опасения о таком преждевременном начале подводной войны начальнику генерального штаба 2 февраля, когда был вызван в Берлин, чтобы принимать эту должность; я указал на малое число подлодок, неготовые базы во Фландрии и в других местах, неопытность подлодок в такой войне и т. д., но он ответил, что вопрос уже решен, канцлер, министерство иностранных дел и генеральный штаб согласились и дело доложено кайзеру. Когда я 6 числа принял должность, «объявление» было уже выпущено за подписями Бетмана и Поля. Решение было принято, как я узнал потом на заседании у канцлера 2 февраля, в присутствии канцлера и представителей министерств иностранных и внутренних дел и с согласия генерального штаба. 8 марта начальник кабинета Мюллер так писал об этом: «Я так же, как и статс-секретарь не одобрял ни способа, ни инсценировки этого объявления: момент был плохо выбран, средства недостаточны и редакция и опубликование крайне неловки. Поль добился согласия, вообще осведомленного, канцлера и всучил на одобрение кайзеру проект при его переходе на катере в Вильгемгафене в гавани. Некорректно было со стороны Поля не сговориться перед этим о форме и редакции с статс-секретарем, но это было также нелойяльно и по отношению ко мне, к которому он всегда в таких случаях обыкновенно обращался. Он видимо хотел пустить объявление за своей подписью и тогда ему действительно надо было торопиться, ибо 4-го он уже принял командование флотом и, строго говоря, уж не был больше начальником морского генерального штаба.»

2 часть. Первая неудача. Раз эта неловкость была сделана, надо было сохранять честь и достоинство правительства и нации. 12 февраля пришла первая нота протеста Америки и хотя этого надо было ожидать, но к удивлению самого Поля, тут настроение мин. ин. дел сразу переменилось: оно начало говорить, что канцлер не так понял Поля и что произошло недоразумение, хотя Поль это категорически отвергал. Теперь уже, по моему, мы могли делать уступки в этой войне, только в случае, если бы Англия сделала тоже самое в области международного права. Для этого было бы достаточно, чтобы Англия признала Лондонскую декларацию. На этом условии мы могли бы отказаться от подводной войны. Ответ на ноту составил канцлер, не допустил нас с Фалькенхайном принять в этом участия и по-

слал свой проект кайзеру в Летцен. Против такого способа действия и против содержания проекта ответа, составленного в самых уклончивых формах, вновь назначенный начальник морского генерального штаба жаловался кайзеру. Вечером 15 февраля нагенмор получил от кайзера приказ не начинать подводной войны, как было предположено 18 числа, а ждать особого приказания. В то же время командирам подлодок послано приказание щадить нейтральные суда в «опасной зоне». Наконец пришла телеграмма начальнику кабинета: «Кайзер желает телеграфного отзыва, в какой мере мы можем быть уверены, что в течении 6 недель Англия должна будет пойти на уступки». Так как я считал, что мы можем подводной войной заставить Англию соблюдать Лондонскую декларацию и наш ответ Америке был составлен в том же духе, то отвечено кайзеру было так: «начальник морского генерального штаба и статс-секретарь уверены, что Англия через 6 недель после начала торговой войны сдаст, если удастся все потребные для нее силы и средства сосредоточить к ее началу». Мы долго недоумевали, чем была вызвана такая телеграмма, но потом я вспомнил выражение моего помощника, адмирала Капелле, что «глупому вопросу приприсущ и глупый ответ». Конечно надо было быть готовым и к тому, что Англия презрительно посмотрит на эту войну и не захочет сдавать, в таком случае нам надо было бы вести самую строгую подводную войну, та же война, которая была начата 18 февраля с ограничением для нейтральных, с самого начала должна была оказаться нерешительной. Английские суда просто поднимали бы в море нейтральный флаг. В таком виде эта война, по Бетмановскому рецепту, потеряла свое коренное значение, но сохранила его в достаточной степени для накопления всяких инцидентов и недоразумений, в особенности с Америкой. Если бы мы на первую американскую ноту ответили вежливым, но решительным отказом, то мы сохранили бы за собой право вести строгую войну, Америка же не выступила бы тогда против нас, нашим противникам пришлось затратить много времени и энергии, чтобы ее потом к этому принудить. Для наших переговоров с Италией наш посол требовал тогда «твердой политики и сохранение респекта перед нашими армиями и флотом». Надо было нам посылать Америке ноты о ее нарушении нейтралитета; такая политика была неопасна, ведь не требовалось же нам сопровождать ноты ультиматумом. Нам не надо было объяснять нашу подводную войну только как ответ на «голодную блокаду», а выставлять ее в противовес всем

нарушениям Англией обычаев международного права. Неужели кто нибудь серьезно думает, что другие народы в будущем, борясь за свое существование, будут соблюдать все законы международного права и не прибегнут к подводной войне, если она даже будет специально запрещена международным правом?

3 часть. «Лузитания»: 7 мая 1915 г. был потоплен английский пассажирский пароход *Лузитания*, состоявший в списках вспомогательных судов английского флота. Надо сказать, что командир лодки узнал, что это *Лузитания*, только тогда, когда пароход ложился уже на бок. Так как он атаковал судно спереди, то он не видал числа мачт и труб. После взрыва мины последовал второй взрыв, очевидно взорвался боевой груз, бывший на пароходе. Только этим можно объяснить такую быструю гибель судна и потерю стольких жизней. Я был тогда в Берлине и телеграфировал в главную квартиру, что надо продолжать быть твердым, наши уступки только ухудшают наше положение, надо выразить сожаление о стольких человеческих жертвах, но твердо настаивать на нашем праве. 12 мая мне ответил начальник кабинета, что кайзер согласился с моими доводами. 15 мая мы получили первую об этом ноту и началась переписка с канителью, 31 мая в Плессе состоялось специальное заседание под председательством кайзера. Начальник кабинета еще перед заседанием сказал мне и нагенмору, что канцлер слагает с себя ответственность за дальнейшее ведение подводной войны в ее теперешней форме; дипломат Трейтлер и генерал Фалькенхайн были того же мнения, что и канцлер, я же и нагенмор говорили, что желание канцлера вести подводную войну так, чтобы из нея не происходило конфликтов, по военным соображениям невозможно, кайзер должен теперь решить, продолжать ли подводную войну, или прекратить совершенно. Кайзер с нами согласился и сказал, что если канцлер не может взять на себя ответственности за полное прекращение этой войны, то она остается на тех же основаниях, как и раньше. Результатом заседания было подтверждение вновь командирам подводных лодок необходимости беречь нейтральных и повторение приказания топить все английские суда. 2 июня канцлер обратился к нагенмору с просьбой приказать чтобы не топили неприятельских пассажирских пароходов. Тот ответил, что об этом в заседании 31 мая не было речи и обратился к кайзеру, туда же обратился и канцлер и 5 июня получилось приказание кайзера: не топить пассажирских пароходов,

хотя бы и неприятельских. Канцлер не имел мужества взять на свою ответственность полного прекращения подводной войны, он хотел ее вести «приблизительно», чтобы сохранить лицо перед нацией. Фактически с этого времени подлодки вообще не могли атаковать больших пароходов, так как невозможно с лодки в точности определить к какой категории принадлежит пароход. Адмирал Бахман и я подали в отставку из-за незаконного вмешательства канцлера в дела, но они были в очень немилостивой форме отклонены. 15 августа в комиссии рейхстага Ягов заявлял, что мы не дадим Америке влиять на нашу подводную войну, а уже 27 августа канцлер, поддерживаемый начальником кабинета и Фалькенхайном, начал поход за прекращение этой войны. Поводом на этот раз послужило потопление *Арабика*, но это был конечно только повод, а настоящая цель—желание достигнуть соглашения с Америкой. Был новый доклад у кайзера, на котором канцлер добивался дальнейших уступок в подводной войне, а мы с Бахманом сопротивлялись. Кончилось это тем, что в Вашингтон было сообщено о том, что мы не будем топить пассажирских судов (что до сих пор было приказано только секретно командирам подлодок). Так как это было сделано канцлером, опять таки, без нашего ведома, я 27 же подал кайзеру новое прошение об отставке, в котором указывал, что готов служить как солдат на любом посту. Она была отклонена с указанием, «что хотя практика показала, что я с канцлером расхожусь по всем вопросам, но что мой уход в такое время без вреда для дела невозможен и вызвал бы слишком большие толки, как в стране, так и заграницей. Кроме того кайзер не может признать за офицером права во время войны подавать в отставку из за расхождения во взглядах на способ применения морской силы, которой он командует и за которую он несет ответственность». После такой резолюции я вновь подтвердил невозможность для меня оставаться на посту. Кайзер мне дал частную аудиенцию. 19 сентября я получил от кайзера уверение, что в его намерение входит запрашивать мое мнение по всем важным политическо-морским вопросам. После этого и после того, как меня уговаривала масса народу, в том числе очень высокопоставленного, не уходить, я решил не настаивать на этом; адмирала же Бахмана, протестовавшего вместе со мной, сместили и назначили вместо него Хольцендорфа, который с 1912 г. находился в отставке и вообще разделял мнение Бетмана. Он получил приказание быть не в главной квартире, а в Берлине, куда переехал также и я.

4 часть. Колебания: будет полезно привести здесь таблицу переданную мне в свое время начальником штаба флота.

4 февраля 1915 года. Объявление «опасной зоны».

14 февраля 1915 года. Приказание, по настоятельным политическим причинам, передать по радио всем высланным лодкам пока не атаковывать суда под нейтральным флагом. Приказание по тогдашнему состоянию радио-телеграфии на подлодках не могло быть всем передано, кроме того каждое судно плавало тогда под нейтральным флагом.

15 февраля 1915 года. Приказание главной квартиры начать подводную войну против нейтральных не 18-го, а по особому приказанию. Вследствие этого приказания следующая смена лодок была задержана, а следовательно наступил перерыв.

18 февраля 1915 года. Для датского и шведского судоходства оставляется проход между Линдеснесом и Тайн, в котором нельзя ставить мин и атаковывать.

20 февраля 1915 года. Для Северного моря и Канала: американский и итальянский флаг должен щадиться и в этих районах. Предусматривается свободный проход в Англию для судов скандинавских держав.

22 февраля 1915 года. Для западного берега: рекомендуется особо осторожность к американскому и итальянскому флагу.

7 марта 1915 года. Свободный проход для скандинавов упраздняется, однако в нем нельзя ставить мин. Практически почти все остается без перемен.

30 марта 1915 года. Свободный проход совершенно отменяется.

2 апреля 1915 года. После потери нескольких лодок от несчастных случаев: безопасность собственного плавания должна ставится впереди прочих соображений. Всплытие лодок больше не требуется.

18 апреля 1915 года. Новое предостережение щадить нейтральных.

24 апреля 1915 года. Дитто.

7 июня 1915 года. Случай с *Лузитанией* во флоте считался большим успехом, так как был английский пароход, не подходивший ни под какие существующие ограничения и кроме того вооруженный. Командир был вызван в главную квартиру и очень неласково принят начальником кабинета.

6 июня 1915 года. Приказ: не атаковывать никаких пассажирских пароходов, даже неприятельских.

26 июня 1915 года. Командующий флотом пишет нагенмору: «по моему мнению, разделенному всем флотом, мы не должны ничего уступать в подводной войне. Причины:

1. Каждое отступление от «военной зоны» должно считаться политическими поражением.

2. Целью этого объявления было поразить английский импорт и экспорт, а не уничтожение отдельных судов. Пощада и уплата убытков нейтральных как раз влечет торговлю под нейтральным флагом к Англии.

3. Уступки укрепляют неприятельское утверждение, что предположенное нами в начале ведение войны—варварское.

4. Только энергичное ведение подводной войны превращает выгоду английского островного положения в невыгоду.

Командующий флотом просит поддержать его мнение перед политическими властями, так как на них лежит ответственность за ведение этой войны. Личный доклад, предположенный командующим, отклонен, к канцлеру вызван для доклада начальник подводных лодок и один из командиров.

19 августа 1915 года. Случай с *Арабиком:* граф Бернсдорф заявил в Америке, что командир будет наказан, командирам вновь подтверждено приказание соблюдать все инструкции.

27 августа 1915 года. Приказ: до выяснения положения прекратить посылку дальнейших лодок для торговой войны.

30 августа 1915 года. Приказ: впредь до дальнейшего не топить и малые пассажирские суда без предупреждения и спасения пассажиров.

1 сентября 1915 года. Командующий флотом телеграфирует начальнику кабинета для кайзера, что последний приказ исполним лишь при крайней опасности для лодок, ответственность за которую он не может взять на себя. Подает поэтому в отставку. Ответ кабинета, согласно которого кайзер запрещает командующему делать возражения на его приказания.

18 сентября 1915 года. Общая обстановка требует, чтобы в течение ближайших недель избегали нареканий и жалоб на действия подлодок, отсюда приказание: прекратить всякую подводную войну на западном берегу и в Канале, в Северном море вести ее, придерживаясь положения о призах. Практически выражаясь,—полный отказ от подводной войны.

Таковы впечатления флота: приказание — отмена—путаница. Можно себе представить положение несчастных командиров, которые должны были разбираться в массе этих половинчатых и часто совсем неисполнимых приказаний.

При этом им грозили тяжкие наказания и суд, если их действия вызывали политические осложнения. Какая разница с Англией, где столетиями установился принцип: всякое действие командира и офицера вообще должно быть покрыто сверху, если только оно было энергично.

5 часть. Моя отставка. В конце 1915 г. в нашем армейском командовании наступила перемена во взглядах на подводную войну. К тому времени войска всюду окопались и перспективы на скорое окончание войны не было. Вероятно из за этого, по инициативе армейского командования 30 декабря и 5 января 1916 состоялись заседания в военном министерстве. Генерал Фалькенхайн заявил, что после выступления Болгарии он согласен с неограниченной подводной войной, если только флот обещает успех. Он объяснял свою поддержку канцлеру осенью 1915 г. в его борьбе с подводной войной тем, что на основании данных министерства иностранных дел боялся, что она затруднит выступление Болгарии на нашей стороне. В этих заседаниях я доказывал выполнимость и успешность подводной войны и рекомендовал вместо «зоны» нечто вроде прекращения торговых сношений Англии. Адмирал Хольцендорф назвал начало подводной войны «освобождением флота», но предложил ее начать 1 мая. О способах ее ведения и сроке между мной, Хольцендорфом и Фалькенхайном и военным министром Вильд ф. Хоеборн было достигнуто полное соглашение. Словесное заявление Хольцендорфа на заседании было подкреплено докладом морского генерального штаба от 7 января, в котором говорилось: «если мы отменим ограничения в подводной войне, то, на основании имеемого опыта, можно с уверенностью принять, что английское сопротивление будет сломлено самое позднее через полгода». Американская опасность была в этом докладе предусмотрена, но исходили из того, что, если до осени 1916 г. Германия не добьется удовлетворительного разрешения войны, то вообще теряется надежда на такой мир, который бы позволил Германии продолжать свое мирное развитие. Другой доклад генмора от 21 февраля заключал мнения многих экономических экспертов, которые все сходились в том, что немедленное начало неограниченной подводной войны представляет единственный и последний шанс для Германии. Я писал в том же духе Фалькенхайну в главную квартиру и посылал к нему офицера с разъяснениями. Он отвечал примерно так: «мы все согласны с тем, что Англия будет сражаться до конечного исхода. Ключ к нему лежит в Бельгии, если мы ее отдадим—мы пропали. Я высказался за подводную

войну и определенно расчитываю на ее выполнение. Я вполне ее поддержу и проведу». Большое число корпораций и лиц обращалось в это время к канцлеру для поддержки подводной войны. Расчеты, которые я при этом делал сходились со многими работавшими независимо от меня. 23 февраля я имел случай видеть кайзера в министерстве иностранных дел и обрадовался, что он ожидает серьезной войны против английского тоннажа. Заключительный доклад состоялся кайзеру 6 марта 1916 г. и вопреки его обещанию, без моего участия. Когда я узнал, что предстоит такое заседание я спросил адмирала Мюллера, ожидает ли и меня кайзер, и получил ответ; «нет, Е. В. ничего не приказывал насчет присутствия статс-секретаря». На заседании были канцлер, Фалькенхайн и Хольцендорф, подводная война против голоса Фалькенхайна, была отложена на неопределенное время. 8 марта я подал рапорт о болезни и получил телеграмму, чтобы я подавал в отставку. 17 марта я получил отставку и моим заместителем был назначен мой помощник адмирал Капелле, который, хотя и был сторонником подводной войны, но получил назначение с условием по всем морским, связанным с политикой, вопросам достигать соглашения с канцлером. Мое положение у кайзера было настолько пошатнувшимся и я так мало мог проводить то, в чем был убежден, что я не считал возможным оставаться свидетелем, как все катится в пропасть. Мне было тяжело знать, что враги сочтут мой уход за победу и я предлагал кайзеру мотивировать его болезнью, но это было отклонено. Если бы я мог предвидеть, что мое положение улучшится после боя у Скагерака и, что Гинденбург и Людендорф станут во главе, я бы проглатывал все неприятности и остался бы, а тогда, при пошатнувшемся положении Бетмана осенью 1916 г., может быть и не состоялась бы и наша польская прокламация, мир с царем искался бы более энергично и подводная война была бы возобновлена еще своевременно. Но кто может предсказывать будущее.

6 часть. Суссекс. 24 марта 1916 г. был потоплен французский пароход *Суссекс*. На соответствующую американскую ноту генмор, не выжидая донесений наших подлодок, ответил, что такого парохода мы не топили. Когда донесения пришли, то оказалось, что пароход был потоплен нашей подлодкой. Командир говорил, что пароход был выкрашен как военный и имел на борту много английских солдат, так что он считал себя в полном праве атаковать. Америке, таким образом, было легко доказать фактическую неправоту нашей ноты и в ответ последовала от нее грозная нота

20 апреля, грозившая разрывом. Когда она была опубликована, я написал кайзеру усиленную просьбу не сдавать Вильсону; ответа я не получил, а наше правительство сочинило ответ, в котором, как всегда, было виляние. Вильсон потребовал между прочим наказания командира лодки, но его начальник, адмирал командовавший во Фландрии, не счел возможным наложить наказание, так как командир поступал согласно инструкциям. Тогда кайзер лично наложил на него наказание. Мне потом передавали, что кайзер, получив мое письмо, сначала не хотел сдавать и отвечать Вильсону, в чем его поддерживало и армейское командование, но затем на него насели канцлер и начальник кабинета и он уступил. Фалькенхайн просил вследствие этого отставки, которая не была принята. Англия была решением этим (фактически прекратить подводную войну) избавлена от наибольшей опасности, которая ей угрожала в течении ее истории. Весной 1916 г. была еще возможность того, что в конце концов Англия пошла бы на приемлемый для нас мир. Противники подводной войны ссылались на малое число наших лодок, но в каждый специалист понимает, что успешность такой войны не столько зависит от числа лодок, сколько от числа потопленных ими судов. С другой стороны эта успешность падает по мере того как противники прогрессируют в контр-мерах против подлодок. Это прогрессирование требует годов и эти года мы предоставили нашим противникам. Наша подводная война могла бы быть выиграна только в течении определенного промежутка времени и это время мы, из-за страха и трепета перед Вильсоном, пропустили. Совершенно ясные цифры, которые это доказывали не могли быть опубликованы во время войны. Из всех доводов возьму некоторые для образца: весной 1916 г. при ограниченной войне, число потопленных тонн на лодку и крейсерство составляло 17.000 т. По опытным данным ограниченной и неограниченной войны, результаты последней в три раза превосходят первую, значит можно было тогда вполне расчитывать на 51.000 т. при неограниченной войне. Летом 1917 г. эта цифра достигала только 14.000, а осенью того же года спустилась до 9.000 т. Мы насчитывали на 1916 бюджетный год 205 лодок, считая в этом числе находившиеся в строю, в постройке или в периоде испытаний, из них 147 строющихся, которые должны были в том же году вступить в строй. Имея эти цифры можно произвести расчет, что могла бы нам дать настоящая подводная война в 1916 г. Англия проиграла бы, если бы мы в то время имели доста-

точно мужества ее выиграть. Надо посмотреть дневники командиров подлодок, чтобы видеть сколько они пропускали верных жертв. Можно смело сказать, что они за каждое крейсерство топили бы в 5—6 раз больше, чем могли сделать в следующем году. Привожу выписку из дневника особо отличившегося командира, который в июле—августе 1916 г. должен был практически выяснить, мыслим ли вообще успех подводной войны при всех тех инструкциях, которые имелись для нее в это время.

«Вследствие очень неблагоприятной для атак погоды наше крейсерство перед устьем Сены могло продолжаться лишь 4 дня. Впродолжение этого времени денно и нощно велось наблюдение за движением судов и к каждому судну подходили, чтобы по возможности выяснить его характер. В общем сделано 41 дневных подходов (на дальность и позицию действительного минного выстрела), ни один из этих пароходов не нес отличий присвоенных транспортам и в остальной их внешности не было ничего по чему можно было бы с точностью заключить, что это транспорты. Во время рассвета же были сделаны подходы к 6 судам, шедшим без огней, водоизм. 1500—3000 т. типа транспортов; они были выкрашены в черный цвет с серыми надстройками и не несли никаких флагов. Каждое из этих судов сопровождалось двумя миноносцами или вооруженными траулерами без огней, шедшим зигзагными курсами. По моему глубокому убеждению это были транспорты, перевозившие войска, или важный военный груз, но так как я не мог найти в них признаков, требуемых инструкциями (войска в большом числе, артиллерия или обозы и т. п.), то я не мог их атаковывать. При создавшейся обстановке, при которой подлодка должна бороться с транспортами, вообще нечего делать и не стоит рисковать лодками и подвергать личный состав крайнему напряжению».

Заключение флотилии к этой выписке: «целью опыта было установить, можем ли мы, при существующих инструкциях, т. е. соблюдая призовое право и атаковывая без предупреждения только заведомо опознанные транспорты, достигнуть цели — нанести вред транспортной службе между Англией и Францией. Беспристрастный вывод таков: безнадежно пускать лодки при таких условиях против транспортов. По этому эти операции пока прекращаются и могут быть возобновлены тогда, когда будет разрешено атаковывать без предупреждения все суда, ходящие между Англией и Францией, кроме лазаретных. Война у западного

выхода из Канала с соблюдением призового права будет испробована, несмотря на опасность, которой подвергаются при этом лодки, всплывая. Это решение вынужденное, так как сейчас оно остается единственными средством, которым мы можем вредить врагу».

7 часть. Неограниченная подводная война 1917 г. Обстоятельства приведшие к ней, я, как непринимавшей участия в деле, могу изложить лишь кратко. Осенью 1916 г. сухопутное командование, ввиду румынского наступления и неверно учитываемой канцлером и посланником Кюльманом голландской опасности, согласилось на некоторую задержку в подводной войне. После поражения Румынии картина изменилась. Верховное командование сомневалось, чтобы мы могли выдержать еще зимнюю кампанию 1917/1918 г., и так как Хольцендорф (нагенмор) считал возможным обещать, что Англия, после полугодовой подводной войны склонится к миру, согласилось, расчитывая таким образом достичь мира к августу 1917 г., начать подводную войну в феврале 1917 г. Эти предложения, впрочем, имели некоторое значение и их не следовало догматизировать. Но и тут несчастье заключалось в том, что подводную войну должен был объявлять и пропагандировать человек, который всегда относился к ней отрицательно, т. е. Бетман. Если мы уже решили все поставить на эту последнюю карту, то надо было сосредоточить на ней все военные, политические, минные и технические средства. Флот должен был бы поставить все остальные задачи на второй план и уделить всех нужных людей для подлодок, их постройки и постройки моторов. Армия должна была *теперь* отдать нужных рабочих, политика — помочь военному руководству, а дипломатия—не стоять в стороне, а помогать всеми силами. Вместо этого опять были сделаны исключения для европейских нейтралов, ослабившие значение этой войны. К тому же и перспективы по сравнению с 1916 г. были значительно хуже. До моего ухода морское министерство строило столько лодок, сколько было возможно. Я не знаю, как дело велось после моего ухода. Кроме того сильно усилились неприятельские средства борьбы с подлодками. При помощи технических средств всего мира был принят ряд мер, влияние которых было не так значительно в 1616 г., но очень заметно в 1917 г. Ведь в массе Антанта конечно превосходила нас в промышленности и ее средства обороны росли быстрее, чем строились наши лодки. Весной 1918 г. мы теряли временами больше лодок чем вступало их в строй. Конечно, в общем это можно было

предсказать еще в 1916 г. Главнейшими средствами борьбы были: вооружение торговых судов, на что пошло около 15.000 орудий, систематическое наблюдение летчиками и воздушными судами, широкое применение подводных предупредительных аппаратов, создание истребителей подлодок, специальных бомб, не говоря уже про средства обороны, как то: если и мины. Наконец косвенные средства: утроение американских верфей, лихорадочная постройка стандартных фрахтовых судов. По американским данным за один месяц 1918 г. строилось больше чем за весь 1916 г., и т. д. Результатом всего этого явилось ослабление полезной работы подводных лодок до $^1/_5$ того, что топилось каждой лодкой раньше. Раньше наши подлодки могли оперировать совершенно безнаказанно,—теперь, каждая атака превращалась чуть ли не в бой. Остается вопрос: если бы мы начали неограниченную войну на год раньше, т. е. весной 1916 г., то не навлекло ли бы это на нас то американское нашествие, которое в 1917 г. решило судьбу нашего западного фронта? Я оставляю при этом в стороне то, что мы все и в том числе верховное командование были поражены числом американских войск и что это командование ослабило наши фронты миллионом бойцов, занятых на востоке в сущности второстепенным делом экономического значения. Я только хочу указать, что весной 1916 г. вероятность посылки Америкой войск была гораздо меньше чем год спустя. Во всяком случае влияние нашей подводной войны в 1916 г. значительно бы ослабило транспортную способность Америки, не имевшей тогда такого значительного тоннажа, как год спустя. Гинце держался мнения, что в настроении Америки сыграла большую роль мексиканская депеша Циммермана. Растущая враждебность Америки была несомненна и надо было все равно считаться с этим фактором, как неизбежным. Осенью 1918 г. когда все уже было потеряно, у нас как раз вступало в строй значительное число лодок. Когда наконец, Гинденбург и Людендорф были поставлены во главе военного командования, армия к несчастью была уже не в состоянии дать нам приличного мира, флот же мог его дать два раза: в 1914 г. большим флотом и в 1916 г. с еще большей вероятностью—подлодками. Самое ужасное это мысль, что наше теперешнее положение могло быть устранено не только средствами политики, но и военными. Перев. Е. Б.

От Редакции: Перевод приложений: «Из моих военных писем» и «Замечания к нашему судостроению» пока напечатаны быть не могут из-за большого об'ема их.